

Ты мои крылья

Кристина Амарант

ГЛАВА 1

В багажнике “Циклопа” пахло маслом и горячим металлом. Что же, это лучше, чем запах отходов, который приходилось вдыхать весь путь от поместья ди Небиросов к свалке.

Узнав, что покидать темницу придется вместе с мусором, Наама только язвительно улыбнулась. Символично, что тут скажешь? Спасибо, что хотя бы внутри мешка, а не зарывшись в гору вонючих объедков.

Не доезжая до свалки мусоровоз затормозил. Пронзительно скрипнула проржавевшая дверь, внутри демоницы оборвалось все от мимолетного ужаса – ди Небирос? Спихватился, выслал погоню, нашел и сейчас отволочет пленницу обратно в поместье, чтобы хорошенько наказать в своем любимом стиле. Он давно не пускал в ход плеть, а тут такой повод.

Она еле сдержалась, чтобы не начать голосить и вырываться, когда почувствовала, как мужские руки подняли мешок. А потом над головой раздался шепот Армеллина: “Все хорошо, молодец” и Наама чуть не расплакалась от облегчения.

Он уложил ее в багажник своей машины, “Циклоп” взревел двигателем и рванул с места. Вся операция заняла не более двух минут.

Последующую дорогу Наама просто лежала, свернувшись клубочком. Даже развязать мешок не попыталась. Страх перед будущим леденил душу.

Тридцать лет она не покидала стен Грейторн Холл. Тридцать лет в роли собственности ненавистного мужчины, тридцать лет смешанных с наслаждением издевательств, ненависти настолько яростной, что она казалась почти сладкой на вкус.

И вот впереди свобода. Огромный мир во всей его сложности, а Наама уже не помнит каково это – жить. Самой решать, чего-то хотеть и добиваться. Выбирать.

Страшно.

Она вдруг поняла, что не знает, что будет дальше. Просто слепо доверилась Армеллину, когда тот сказал, что вытащит ее, не посвящая в детали плана. Андрос не давал ей отвечать за себя, и она отвыкла. Забыла, как это.

Демоница почувствовала, как “Циклоп” сбавил ход. Машина повернула, проехала ещё немного и остановилась. В тишине еле слышно урчал двигатель.

Хлопок двери. Шаги. Щелчок ключ-камня о замок багажника.

- Ты почему не развязала? - с упреком спросил Армеллин, освобождая ее из мешка.

Наама поежилась и села, щурясь.

- Где мы?

По виду похоже на гараж. Бетонные стены и пол, тусклый светильник над железными воротами.

- У друга. Поживешь у него, пока ищейки Андроса не успокоятся. Я пока подготовлю документы и помогу перебраться за границу. Это ненадолго. Недели две, может, чуть дольше.

- Спасибо, - голос дрогнул. Она, наконец, подняла глаза, вглядываясь в его лицо.

Скудное освещение гаража или собственная память играли с ней дурную шутку, но Армеллин вдруг показался совсем не похожим на Андроса. Чуть выступающие скулы – это от нее. И скульптурно-правильный нос от нее. Высокий лоб, совсем, как был у старшего брата Наамы, упрямо сомкнутые губы – в их линии тоже угадываются фамильные черты ди Вине.

Почему же она столько лет видела в нем копию Андроса и ненавидела, как только может ненавидеть жертва своего обидчика?

Было странно сознавать, что этот молодой сильный мужчина на полголовы выше ее самой – ее сын. Наама не чувствовала себя его матерью. Навязанный ребенок, дитя насилия. Она и не

была ему настоящей матерью и это вина, ее огромная вина перед ним. Вина, которую не искупить и не забыть.

Сможет ли он когда-нибудь простить?

- Мэл, я... - она запнулась, чувствуя, как от вины и раскаяния перехватывает дыхание. - Послушай, я виновата...

Он предупреждающе вскинул руки.

- Не надо. Потом!

Наама поникла.

Где-то в глубине гаража скрипнула дверь. Послышались шаги - четкие, уверенные.

- Добрались без приключений? - раздался незнакомый мужской голос. Не такой рычащий, как у Андроса, резкий, чуть хриловатый и хорошо поставленный он звонким эхом отразился от бетонных стен. По спине пробежала произвольная дрожь.

- Рад приветствовать вас в своем доме, госпожа ди Вине, - продолжал незнакомец, и вдруг жизненно важно стало узнать, кто он - этот мужчина, в доме которого Наама будет прятаться от своего проклятья и кошмара.

Демоница опустила затянутые в черные чулки (туфли перед побегом решено было оставить в комнате) ноги на пол и встала. Бетон сквозь тонкую ткань показался ледяным.

Стоявший рядом Армеллин опустил взгляд и нахмурился.

- Зачем? Я отнесу...

Он протянул руки, очевидно собираясь немедленно претворить обещание в жизнь, но Наама покачала головой, ловко выскользнула из объятий, чтобы обогнуть машину.

И охнула, чувствуя, как ноги подгибаются сами собой, при виде шагнувшего в круг света высокого беловолосого мужчины. Он тоже остановился, глядя на нее. Совсем такой же, каким остался в ее памяти - широкоплечий, хмурый. Тонкая нитка шрама все так же перечеркивая щеку тянулась от скулы к подбородку, а глаза - серые, как предгрозовое небо, глядели пылливо и спокойно.

- Здравствуйте, госпожа ди Вине, - сказал Торвальд Равендорф. Мужчина из прошлого, которого она когда-то, заблуждаясь, считала человеком.

Больше тридцати лет с последней встречи, но он не изменился. Меньше, чем она сама. Анхелос, как и демоны, живут долго.

- Вы ведь знакомы? - голос сына за спиной прозвучал глухо и напряженно, словно он тоже догадывался о страшной роли, которую сыграл Равендорф в жизни его родных по материнской линии. - Профессор очень помог. Это его апелляция императору вернула тебе свободу.

Наама издала смешок, отдавая должное абсурдности и злой иронии происходящего.

- Профессор? Полковник, у вас новое звание?

- И уже достаточно давно, - спокойно заметил он, подходя ближе. - Я заведу кафедрой теоретической магии в Аусвейле.

- Как-то мелко для вас. Понижение? Что, его сволочному величеству не понравилось, как вы свежуете несогласных? - голос скакнул вверх. Она сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Невозмутимость и уверенность, с которой он предлагал свой кров и свою защиту мгновенно вывели из себя.

Наверное, хорошо, что больше она ничего не успела сказать. Теплые ладони сына легли на плечи.

- Не стой босиком на холодном полу, - упрекнул он ее прежде, чем подхватить на руки.

- Давайте я, - Равендорф шагнул вперед, чтобы принять из рук Мэла его ношу. Наама было зашипела и дернулась, чтобы вырваться. И замерла, поймав, наконец, шлейф излучаемых мужчиной эмоций.

Это было все равно, что окунуться в море летним вечером на закате. Тепло. Спокойствие. Сдержанная забота без малейшего оттенка гнева или похоти окутали, укрыли душу мягким покрывалом. Захотелось расслабиться, прижаться к нему теснее, почувствовать себя маленькой девочкой в отцовских объятиях.

- Просто решил сменить сферу деятельности, - ответил он, бережно прижимая к себе демоницу. - Если снова начнется война, и император призовет, я встану под его знамена. Но заниматься теоретической магией нравится мне гораздо больше, чем выслеживать и карать заговорщиков, - и уже обращаясь к Мэлу. - Адепт ди Небирос, вы останетесь к чаю?

Как он смеет быть таким невозмутимым?! Откуда взял столько наглости, чтобы предлагать свою заботу последней из рода ди Вине?!

Злость вспыхнула и потухла. Находиться рядом с проклятым анхелос было все равно, что принять обезболивающее после многих лет непрерывных мигреней. Слишком хорошо, слишком легко.

Чтобы он сдох, скотина.

- Боюсь, что мы вынуждены отказаться от вашего щедрого предложения, - пробормотала Наама, чувствуя, как ярость вытекает из нее, словно вода из дырявого кувшина.

- Боюсь, вам просто некуда идти, - жестко ответил мужчина, продолжавший держать ее на руках так легко, словно она ничего не весила. - Вы знаете своего бывшего хозяина. Андрос ди Небирос не смирится так просто. Он поднимет на ноги всю страну, наймет сотни ищеек. Вам нужно убежище, чтобы переждать хотя бы несколько первых месяцев. Я сотрудник отдела безопасности, пусть и бывший. Мой дом в реестре особо охраняемых, на нем защита, блокирующая любые шпионские чары. А если ищейки настолько обнаглеют, что вломятся, я смогу вас защитить хоть от самого ди Небираса. Поэтому, если действительно хотите стать свободной, останетесь здесь.

Он был прав. Даже больше, чем просто прав. И что с того, что император подписал помилование? Андрос непустит ее никогда. Она - его одержимость, проклятье, болезнь.

Кто вступится за бывшую рабыню? Кто рискнет пойти против второго по богатству и влиянию демонов в империи? Разве что Мэл. Но она не допустит, чтобы сын снова пошел против отца ради нее...

Вопросительный взгляд Армеллина остановился на ней.

- Наама?

От того, что он снова не назвал ее матерью стало больно. А потом демоница почувствовала глухую усталость.

- Все хорошо. Иди.

- Я позабочусь о ней, - пообещал Равендорф, и Наама с удивлением различила в его палитре эмоций горькую нотку вины.

Значит, правда. Не домыслы, не сплетни...

Не было бы рядом сына, она бы разрыдалась. Какая злая ирония - быть обязанной тому, кто виновен в смерти твоих родных!

Мэл не обнял ее на прощание. Кивнул, пообещал заехать на днях, как только найдет благовидный предлог, чтобы это не выглядело подозрительным, сел в машину и уехал.

- Поставьте меня, Равендорф, - резко бросила Наама, когда силуэт "Циклопа" растворился в ночи, а ворота гаража снова медленно опустились.

- Не говорите ерунды, ди Вине, - в тон ей отозвался мужчина, направляясь к лестнице, ведущей в дом.

Он отпустил ее уже за дверью, когда бетонный пол сменился паркетом, укрытым сверху ковром. Вынул из шкафчика у стены пакет, протянул Нааме.

Демоница заглянула внутрь и подняла озадаченный взгляд на мужчину.

- Тапки? Вы издеваетесь или просто боитесь за паркет?

Его губы дрогнули, аура расцвела теплыми, чуть покалывающими искрами, ощущать которые было одновременно приятно и обидно.

Он смеется над ней?!

- Нет, - голос безопасника звучал убийственно серьезно. Она бы даже поверила, если бы не насмешливые искры в серых глазах. - Просто так удобнее. Никогда не понимал этой моды аристократии ходить по дому в туфлях. Хотите чаю?

И сам переобулся под ее недоверчивым взглядом. Наама, немного поколебавшись, последовала его примеру. Надо же... Тапки.

Теплый плюш обнял и согрел озябшие пальцы. Удобно, приятно. Хотя в сочетании с ее платьем и смотрится диковато.

Снова навалилось чувство неуверенности и страх перед будущим. Грейторн Холл Наама за тридцать лет изучила до последней трещинки на антикварной мебели. В доме Равендорфа все казалось чужим и смехотворно тесным после просторного поместья.

А Равендорф продолжал удивлять своей эксцентричностью. Вместо того, чтобы велеть прислуге подать чай в гостиную, он отвел Нааму на кухню, где самолично занялся заваркой. Демоница задумчиво вертела в руках чашку из императорского фарфора ручной росписи и угрюмо молчала, пытаясь понять, как вести себя с этим мужчиной.

Свободна на словах, а на деле мало чего изменилось. Наама по-прежнему полностью зависима от врага и не имеет права ступить за порог его дома.

Чего ждать от бывшего безопасника? И зачем ему вообще все это нужно?

Последний вопрос она, немного поколебавшись, задала вслух.

- Потому что так правильно, - ответил он, разливая по чашкам бледно-желтый напиток. - С вами поступили несправедливо, когда отдали ди Небиросу.

- Можно подумать, кого-то в этом мире волнует справедливость.

- Меня волнует.

- Ах да. Вы же у нас рыцарь! Спаситель несчастной девы, томившейся в плену у чудовища, - с неприкрытым сарказмом протянула Наама. И съежилась, ожидая ответной гневной вспышки.

Он не изменился в лице, не впился в губы грубым поцелуем, больше похожим на укус. Не дернул за волосы, чтобы поставить на колени, утверждая свое право делать с ее телом все, что пожелает. Просто в теплые переливы ауры вкралась гнилостная нотка вины и застарелой душевной боли, от которой стало горько на языке. Наама скривилась и отхлебнула чай, обжигая рот.

Проклятые анхелос с их проклятым отсутствием ментального барьера! Мог бы носить фризера, чтобы не вываливать на нее все содержимое своего богатого внутреннего мира! Все равно ее демоническая сущность отсечена, и питаться его эмоциями Наама не может.

- Нет, я не рыцарь. Я - человек, который в свое время очень неосмотрительно раздавал советы и сейчас пытается исправить последствия сделанной ошибки, - все так же спокойно ответил Равендорф.

В его словах снова скрывался намек, значения которого Наама не поняла, а переспрашивать было ниже ее достоинства. Поэтому она уцепилась за оговорку.

- Человек?

Он пожал плечами.

- Я привык так себя называть.

- И сложно притворяться, Охотник.

Тот бестрепетно выдержал ее гневный взгляд.

- Не сложно. Моя жизнь ничем не отличается от жизни простого человека.

- За исключением тех дней, когда ты отправляешься, чтобы убить кого-нибудь по приказу его императорской задницы? - выпалила она, леденя от страха.

Нарывается... Но как же хочется прогнать с его лица эту снисходительную маску и взглянуть на то, что скрывается за ней!

Опыт подсказывал, что за маской, которую носит мужчина, всегда прячется одержимое чудовище.

Равендорф вздохнул и осуждающе покачал головой.

- Наама, вам лучше следить за тем, что вы говорите. И особенно за тем, кому вы это говорите. Император помиловал вас, но вы все ещё единственная выжившая из мятежного рода. И статью за оскорбление величия никто не отменял.

Демоница снова отхлебнула чая, пытаясь сдержать рвущиеся с языка злые слова. Пальцы еле заметно дрожали. Чужой дом, чужие правила, пугающая неизвестность в будущем и моральный долг перед убийцей родных. Стоило ради этого бежать из Грейторн Холл?

За годы рабства она привыкла жить в ненависти, дышать ею. Раньше рядом находился Андрос, которого так удобно было ненавидеть - он не переставал давать повода. Не оставлял без внимания ни одно оскорбление, ни один дерзкий взгляд, отвечая на них насилием или издевательствами.

Сдержанность Равендорфа бесила и пугала. Лишала уверенности, предсказуемости.

- Скольких ты убил?

- Не думаю, что вам нужно знать ответ на этот вопрос.

- Не помнишь? - она скривилась, чувствуя, как ярость, застилает глаза алой пеленой. Злость на его спокойствие. На то, что он продолжал быть до отвращения вежливым, вынуждая ее все дальше заходить за грань. Ди Небирос давно бы уже потерял терпения, вздумай она дерзить ему в подобном тоне. А этот - сдержанная сволочь...

- Помню. Но это мое дело.

- Среди них было много женщин? А детей? Интересно, а младенцев тебе убивать приходилось? Они, конечно, маленькие, но вдруг кинут соской в его неприкосновенное величество.

- Повторюсь: это не ваше дело.

- Скажи, а как ты их убивал? Сжигал? Хотя нет, ты же у нас добренький, анхелос все добренькие. Наверное закалывал побыстрее, чтобы не мучились...

- Довольно! - прикрикнул Равендорф, потемнев лицом.

В палитре эмоций проклятого анхелос больше не звучало раскаяние. Скорее уж смешанная с раздражением досада. Наама удовлетворенно ухмыльнулась и откинулась на спинку стула. От того, что она все же смогла выбить его из равновесия, стало спокойнее.

- Я не единственный Адский Охотник на службе у короны, Наама, - продолжал он, чуть успокоившись. - Из ди Вине на моем счету только Увалл и Отис.

Папа...

К горлу подкатил непрошенный горький комок.

- Я убил Увалла в честном поединке. И ничуть не раскаиваюсь в этом. Я бы сделал это снова.

Лжет. Иначе откуда в его ауре раскаяние и вина?

- Кто такой Отис?

- Ваш дядя.

Наама нахмурилась. Она не помнила никакого дяди.

- Старший, по отцу. Это было давно, ещё до войны за Освобождение.

В ровном фоне его эмоций что-то плеснуло – словно на дне моря заворчалось древнее и жутковатое чудовище. Слишком глубоко, не разглядеть очертаний. Можно только гадать по кругам на воде о размерах монстра.

Плеснуло и успокоилось. Словно не было ничего. Показалось.

- Моя демоническая сущность все равно отсечена, - мрачно сказала Наама, отодвигая чашку. - Поэтому я не смогу вызвать тебя на дуэль, чтобы отомстить.

- Вы, - и как же раздражало, что он, игнорируя ее фамильярность, упорно продолжал "выкать", - в любом случае не сможете этого сделать. Анхелос запрещены дуэли с демонами. Победителю отрежут крылья и отправят на каторгу, а я, знаете ли, как-то не горю желанием рубить камень в горах.

- Кроме дуэлей есть много других способов убить такого, как ты, - с откровенной угрозой в голосе сообщила ему Наама. Горький ком все так же плотно сидел в горле, угрожая пролиться слезами или вырваться истерикой. - Поэтому если хочешь жить спокойно и ходить по улице без оглядки, лучше избавься от меня сейчас, - выдохнула она, ужасаясь своим словам.

Ему ведь не обязательно убивать. Достаточно просто позвать Андроса...

Он насмешливо прищурился.

- Я рискну. А вы не похожи на несчастную замученную рабыню, ди Вине. Слишком привыкли к роскоши. И слишком дерзки на язык.

- Хочешь научить меня покорности?

В палитре его эмоций снова вспыхнули раздражение и досада, пробиваясь сквозь благостнорный фон.

- Мне кажется, как раз вы этого хотите. Вынужден разочаровать: я не любитель игрищ в духе "Сломай меня, если сможешь", - он бросил нетерпеливый взгляд на часы и поднялся. - Ладно. Уже поздно. Пойдемте, я покажу вам вашу комнату.

ГЛАВА 2

Гостевая комната в мансарде, куда нужно было подниматься по скрипучей винтовой лестнице оказалась простоватой. Нет, даже не так. Простецкой. Кровать, ковер на полу, шкаф и туалетный столик. Вместо потолка – низко нависший скат крыши – когда Равендорф стоял выпрямившись, он почти касался макушкой балки. Чтобы добраться до ванной требовалось спуститься на этаж ниже.

Наама растерянно огляделась, подошла к одному из двух больших прямоугольных окон, расположенных напротив кровати, выглянула наружу. За стеклом тонули в сумерках кварталы коттеджей. Похоже на район для среднего класса в пригороде столицы. Уютный, респектабельный и без излишеств.

Она снова обернулась, чтобы оглядеть предложенную ей комнату и невольно усмехнулась, сравнив с покоями, которые занимала в Грейторн Холл. Андрос не скупился на наряды, драгоценности или богатую обстановку для любимой игрушки.

— Не нравится, - отметил Равендорф, изучавший ее лицо, пока она изучала комнату. - Могу предложить любую из двух гостевых спален этажом ниже.

— Не то, чтобы не нравится. Просто она... ну, как ваши тапки, - откликнулась демоница и покосилась на плюшевый кошмар, выданный хозяином.

Тапки отлично сочетались с этой комнатой. А вот она сама в платье от Роберто Ла Костена с эффектным разрезом до середины бедра и еще более эффектным декольте – нет.

- В этом доме все, как мои тапки, - со смешком отозвался безопасник. - У меня плебейский вкус.

Она улыбнулась в ответ, сама того не желая. Внезапно ощущение пугающего сходства между Равендорфом и ди Небиросом почти исчезло. Самоирония – вот чего никогда не было у Андроса. Он казалось вообще не умел шутить. Тем более не умел смеяться над собой.

- Раздевайтесь, - приказ мужчины разрушил хрупкую иллюзию безопасности. - Мне нужно вас осмотреть.

- ЧТО?!

- Уже почти двенадцать ночи. Раздевайтесь, я хочу поскорее закончить с этим и лечь спать.

Первым чувством был страх, а сразу за тем горло перехватило от ярости. Наама отшатнулась, вжимаясь в стену. Взгляд забегал по комнате в поисках чего-то, что могло бы стать оружием. Живой и в сознании она ему не дастся...

- Прекратите! - аура анхелос впервые за вечер налилась настоящей злостью пополам с обидой. - Я не собираюсь вас насиловать, ди Вине. Но на вас могут быть маяки...

Он шагнул вперед, и Наама со вскриком отскочила, все так же вжимаясь спиной в стену и не отрывая от него взгляда.

— Не подходи!

Рука, слепо шарившая в пространстве, нащупала массивный светильник на краю туалетного столика. Демоница стиснула и угрожающе вскинула импровизированное оружие.

Мужчина остановился. Он рассматривал ее и хмурился. Окружавшая его аура расцветала нетерпением и обидой, но на лице отражалось только легкое раздражение.

- Я могу не проводить осмотр, - заговорил он убедительно и веско. - Но если на вас действительно находится маяк, люди ди Небираса будут здесь самое позднее через пару дней. Не уверен, что смогу обеспечить вашу безопасность в этом случае.

- На мне нет маяка.

- Как правило, их лепят на ценные вещи, - он прищурился. - Но если вы настолько уверены, что готовы рискнуть, обойдемся без осмотра.

Наама не была уверена. Она не помнила, чтобы Андрос ставил маяк, но он столько всего делал с ее телом, когда связывал...

- Это обязательно должны быть вы? - хрипло спросила демоница. Паническая атака медленно проходила, ее начало трясти.

Он пожал плечами.

- Могу попросить кого-нибудь из бывших коллег помочь в частном порядке. Тогда осмотр произойдет в лучшем случае завтра, а скорее всего через несколько дней. Кроме того, чем больше людей вовлечено, тем выше вероятность огласки. Но если вы намерены биться в истерику и швырять в меня тяжелые предметы, так и придется поступить.

Наама поставила на место светильник, с трудом разгибая негнувшиеся пальцы, и медленно выдохнула.

— Не надо никого звать. Я сейчас...

Расстегивать платье под его насмешливым взглядом было унижительно. Еще и молния запуталась в волосах. Наама со злостью дернула ее, выдрав целую прядь. Облегавшее ее тело словно перчатка платье соскользнуло вниз. Демоница подобрала его и швырнула в лицо мужчине.

- Белье тоже нужно будет снять, - с каменным лицом сообщил Равендорф, раскладывая платье на кровати и медленно проводя по нему ладонями.

- Знаю, - пусть лицо его было серьезным и чуть ли не трагичным, аура снова засияла колкими искрами. Наама могла бы поклясться, что проклятый анхелос втайне потешается над ней. Эта мысль разозлила, но одновременно помогла окончательно избавиться от паники.

Она раздраженно расстегнула бюстье, бросила в сосредоточенно водящего руками над платьем безопасника. За бюстье отправился сначала один, потом другой чулок, а затем и пояс, повиснувший на плече у мужчины. Апофеозом стали трусики от Коко д'Монтернасс, отделанные кружевом ручной работы, эффектно взмывшие в воздух, чтобы приземлиться прямо перед носом Равендорфа.

- Симпатичная штучка, - откомментировал он, откладывая их в сторону.

- Можешь оставить себе на память, - ядовито заметила Наама. Она выпрямилась, скрестив руки на груди, и метала в мужчину гневные взгляды.

Тот покосился на нее, и уголок его губ дрогнул в тщательно сдерживаемой улыбке, аура расцвела теплыми всполохами.

- Собираетесь ходить по моему дому без белья? Я не против.

И снова повернулся к платью.

Чем дальше, тем глупее ощущала себя Наама, стоя обнаженной посреди комнаты. Какой леший ее дернул снимать все сразу? А Равендорф словно издевался: неспешно осматривал каждый дюйм, каждый шов на блестящей ткани, с таким видом, словно он тут один, и у него в запасе все время вселенной.

Вконец потеряв терпение, демоница подошла к кровати и резко дернула на себя покрывало. Мужчина негромко выругался.

- Ди Вине прекратите! Вы сбили мне настройку.

- Мне холодно, - сквозь зубы сообщила Наама.

- Халат в шкафу.

- Что?!

Ответа не последовало. Наама фыркнула и быстрым шагом пересекла комнату, чтобы распахнуть створки платяного шкафа. Внутри на плечиках висела женская одежда. Простенькая - обычный масс-маркет. Скромные блузки, однотонные юбки в пол, платья из хлопка и смесовых тканей.

Халат тоже был. Плюшевый, бледно-розовый. В тон тапкам.

- Я подумал: вам нужно будет что-то носить, пока вы у меня живете. Надеюсь, не ошибся с размером. Если нужно что-то еще - заказывайте. Каталоги в верхнем ящике.

Демоница все еще стояла перед шкафом, рассматривая внезапный подарок. Отчего-то к горлу снова подкатил комок, и захотелось расплакаться. А ещё больше - попросить у проклятого анхелос прощения.

- А сразу нельзя было сказать? - спросила она уже без прежнего запала, снимая халат с крючка.

Равендорф поднял голову. В ауре снова заплясали колючие искры, выдававшие скрытое веселье.

- Вы не спрашивали, - с убийственно серьезным выражением лица ответил он.

Наама задыхнулась от возмущения. Пока она подыскивала достойный ответ, безопасник закончил с платьем и принялся за белье.

Так и не найдя что сказать - любая претензия прозвучала бы истерично и глупо, демоница подошла ближе. Ей никогда не приходилось видеть, как находят маяки. Наблюдать за тем, как его большие руки с сильными пальцами движутся вдоль швов, улавливая неощутимые для лишенной магии Наамы сигналы, оказалось неожиданно интересно.

- Проще выкинуть все, - заметила она, досадуя, что эта мысль не пришла ей в голову сразу.

Равендорф снова покосился на нее.

- Вы уверены? Я не особо разбираюсь в женской моде, но это ведь довольно дорогие вещи.

- И что? Они принадлежат Андросу, - ее передернуло.

- Хорошо, - он выпрямился. - Мне же меньше работы. Тогда остается осмотреть только вас, госпожа ди Вине. Надеюсь, вы при этом не выцарапаете мне глаза?

Наама скривилась, снова ощущая его скрытое веселье. И развязала пояс, позволив халату упасть на пол.

Нет, она нисколько не стыдилась своего тела, скорее гордилась им. Длинные ноги, высокая грудь, тонкая талия, переходящая в округлые бедра. Завораживающий контраст белой кожи, черных волос, бирюзовых глаз и алых губ. Раньше, в прежней вольной жизни, она любила стоять обнаженной перед мужчиной, и видеть, как в его глазах разгорается вождление и жажда обладания. Намеренно выбирала яркие и броские платья с откровенными вырезами.

Но годы в роли секс-игрушки без права сказать "нет" все изменили. Теперь желание во взгляде мужчины пугало. Обещало унижение, а порой и боль, пусть даже густо замешанную на наслаждении.

Ладно, сейчас-то речь вовсе не идет о сексе. Просто процедура. Все равно, что осмотр у врача...

Но это не было похоже на осмотр у врача. Сильные руки опустились на плечи, погладили кожу в мурашках. Тело словно кипятком окатила внезапная волна возбуждения. Требовательно заныло внизу живота, захотелось чуть выгнуться, подставить грудь ласковым уверенным прикосновениям, прильнуть к тренированному мужскому телу. Когда-то давно она фантазировала о том, каким может быть секс с Торвальдом и хотела его. Правда тогда Наама не знала ни об истинной природе полковника службы безопасности, ни о роковой роли, которую он сыграет в судьбе ее рода...

Она вздрогнула и подалась назад, чувствуя, как от стыда полыхают щеки. Богиня, какая же она шлюха, если готова вот так легко прыгнуть в постель к убийце своего отца!

В спектре эмоций стоящего невыносимо близко мужчины вспыхнуло что-то похожее на горечь.

- Я не причиню вам вреда, Наама, - очень мягко сказал Равендорф. - И клянусь, что не стану пользоваться своим положением.

- Действуй уже, - прошипела она сквозь зубы, борясь с неуместной реакцией собственного тела.

Пусть думает, что она боится насилия, лишь бы не догадался об истинной причине ее смятения.

Он помедлил и снова положил руки на плечи. Провел ладонями ниже, едва дотрагиваясь пальцами до тонкой кожи, огладил грудь, слегка коснувшись сосков съежившихся в два твердых горячих камушка. Нежно, почти неощутимо и безумно возбуждающе.

Демоница тяжело дышала и кусала губы, безуспешно пытаясь отвлечься. Она пробовала закрыть глаза, но так было еще хуже. Осторожные прикосновения жестких ладоней походили то ли на изысканную ласку, то ли на чувственную пытку.

...Андрос всегда был груб, очень груб. Сжимал и тискал ее тело, с наслаждением оставлял на коже следы пальцев и багровые засосы, словно желая пометить, заклеить ее, как свою собственность...

Теплая ладонь чуть надавила на низ живота, и Наама еле сдержала стон. Пусть ангелос не может воспринимать ее чувства, но он же не слепец! Значит, вот-вот заметит, что с ней происходит. Демоница вслушалась в ауру мужчины и вдруг уловила тщательно сдерживаемое, но вполне отчетливое ответное желание. Он тоже ее хотел...

- Только попробуй, Равендорф, - процедила Наама. Несмотря на угрозу, скрытую в словах, голос прозвучал непривычно низко и чувственно.

Вот теперь он смутился. Она поняла это не только по ауру, но и по отведенному взгляду.

- Я и не собирался, - он помотал головой и снова посмотрел ей прямо в глаза. - Но вам придется потерпеть мои эмоции, Наама. Иногда реакции тела невозможно контролировать.

В словах почудился скрытый намек на ее собственное постыдное влечение, и Наама вспыхнула. Она замерла, зачарованно глядя ему в глаза: обнаженная женщина в почти-объятиях одетого мужчины. Вчерашняя пленница рядом со своим спасителем? Или дочь, задумавшая месть за убитого отца?

Атмосфера в комнате наэлектризовалась, как бывает перед грозой. Напряжение ощущалось почти физически, желание гуляло по коже колкими искрами, убеждая не сопротивляться, отдаться соблазну...

- Продолжайте, - хрипло прошептала Наама.

Будь все проклято, надо только потерпеть, один раз потерпеть...

И снова нежные едва заметные касания, снова злость, смешанная с бесстыдством похоти. И глупое, неуместное, пугающее ее саму желание коснуться в ответ его тела, пропустить сквозь пальцы пряди белых волос.

Ладонь плотнее легла на ягодицу, сжалась. Наама вздрогнула.

- Ты что себе...

- Есть маяк, - перебил ее Равендорф. - Повернитесь.

Она послушно повернулась. Мужчина опустился на колени, она ощутила его теплое дыхание чуть ниже поясицы. Наама охватила себя руками за плечи, безуспешно пытаясь отвлечься от пальцев, которые поглаживали ягодицу, вырисовывая невидимые руны на месте обнаруженной метки. Происходящее все больше напоминало эротический сон, чувственную фантазию. А если пойти чуть дальше, можно представить, как он касается ее губами, как поднимается медленно вверх, оставляя цепочку горящих на коже поцелуев...

- Убрал, - сообщил Равендорф, и до Наамы снова докатилось его сдержанное желание.

Она с облегчением выдохнула и потянулась было подобрать халат. Быстрее покончить с этой двусмысленной ситуацией, выпроводить его и устроить себе разрядку!

- Погодите, - остановил ее безопасник. - Маяк может быть не один.

Пришлось вытерпеть полный осмотр. Больше меток на ее теле Равендорф не обнаружил,

однако заколка в виде бабочки с серебрянными крыльями в россыпи мелких сапфиров, ему очень не понравилась.

- Тоже маяк, - хмуро сообщил он, освобождая драгоценную летунью. - На этот раз стандартный. Часто используется на ювелирных изделиях премиум-класса.

В пару к серебрянной бабочке была еще золотая, инкрустированная рубинами. Наама чаще подкалывала волосы одной, но сегодня на ней было красное платье. Странно, что золотая бабочка при этом осталась в шкатулке...

- Выкиньте ее, вместе со всем этим, - демоница кивнула на платье и нижнее белье.

- Вы уверены? Вещица красивая и очень недешевая.

— Ну, или продайте, - фыркнула она, заворачиваясь в халат. - Пусть это будет вам компенсацией за принесенные неудобства.

Мягкий плюш придал уверенности. Вождение потухло, сменившись мучительным стыдом. Хоть бы безопасник ушел поскорее и оставил ее в одиночестве!

- Я сохраню ее, - решил Равендорф, собирая ее вещи. - Когда соберетесь уезжать, тогда и решите, что с ней делать.

Наама безразлично пожала плечами. Заколка ей нравилась, но от Андроса она не хотела ничего. Никаких сувениров на недобрую память.

В дверях безопасник обернулся.

- Моя спальня на втором этаже. Если что-нибудь потребуется, не стесняйтесь. Спокойной ночи.

В нейтральной вежливой фразе почудился намек, от которого демонице захотелось зарычать, словно разъяренной тигрице.

— Не надейся, - прошипела она, с яростью глядя на только что захлопнувшуюся дверь. - Даже не мечтай, Равендорф.

ГЛАВА 3

Она много лет мечтала о свободе. Представляла, как это случится, что сделает в первую очередь, с какими проблемами столкнется.

Но ни разу ни в одной из фантазий Наама и представить не могла, что будет настолько страшно.

Все казалось непривычным. Пугающим. Мир, манивший издали буйством красок и возможностей, приблизился, раскинулся прямо под окнами. Наама проводила часы у окна, наблюдая, как по улице ходят люди и нелюди, ездят мальчишки на велосипедах, почтальон разносит письма, а молочник по утрам оставляет у дверей бутылки с молоком. Проезжали машины, в саду соседского дома дети с визгами и хохотом гонялись друг за другом. Мир рядом двигался, дышал, жил, как делал это все тридцать лет.

Без нее.

Она казалась себе осколком другой эпохи. Мушкой, проведенной в янтаре долгие годы. В Грейторн Холл все было размеренно и неизменно. Эпоха прошла, а Наама осталась. Удаленное от оживленных трасс поместье ди Небирора сохранило ее, как зачарованный саркофаг хранит труп.

Смешно, но с побегом в ее жизни мало что изменилось. Она по-прежнему в чужом доме, во власти мужчины, от которого не знает, чего ожидать. Разве что клетка стала проще и меньше размером : коттедж Равендорфа не сравнить с пафосным великолепием Грейторн Холл.

С хозяином дома было сложно. Несмотря на страшную роль, которую бывший безопасник сыграл в судьбе ее клана, Нааму притягивало излучаемые им спокойствие, сила и странное ощущение надежности. Когда Равендорф находился рядом, грызущая душу тревога утихала словно сама собой. Он казался островком стабильности в этом изменчивом и страшном мире. Наама знала, что должна ненавидеть его, но ненавидеть не получалось. Скорее уж ее тянуло к убийце отца.

Свойство всех анхелос – привлекать таких, как она. Вызывать желание, жажду. И не важно, что ее демоническая сущность давно отсечена, поэтому Наама не нуждается в подпитке энергией, рожденной от чужих эмоций, ее все равно тянуло к нему. Просто физиология, грубый животный инстинкт, помноженный на ощущение своей беспомощности и желание найти опору в мужчине рядом. Она не должна поддаваться!

И демоница снова и снова выпускала колючки, дерзила и бросала полковнику в лицо резкие слова, в надежде, что он потеряет терпение и сделает что-то болезненное и жестокое. Что-то, что поможет вспылать ей настоящей ненавистью, поставит точку в неуместном и постыдном влечении.

Бесполезно. Равендорф всегда был сдержан, вежлив и ироничен. Порой в его вежливости сквозила откровенная издевка, порой он просто потешался над ее вспышками, чем приводил демоницу в настоящую ярость.

Первые дни она не покидала мансарды, забившись в нее, как раненый зверь в нору. Лишь когда Равендорф уезжал по делам, она осторожно прокрадывалась вниз, словно лазутчик на территорию врага. Изучала комнату за комнатой и пугливой белкой взбиралась вверх по винтовой лестнице, заслышав бархатное урчание двигателя у ворот внизу.

Хозяин дома возвращался после полудня, а иногда и поздно вечером. Неизменно привозил с собой судки с едой. Судя по логотипу на крышке, он покупал блюда на вынос в известной сети ресторанов.

- Почему вы не наймете кухарку? - спросила Наама на третий день, наблюдая, как он выгружает покупки из пакета.

- Моя кухарка в отпуске на неопределенный срок. Как и экономка.

- Почему?

Мужчина выразительно покосился на нее.

- Потому что я не уверен в их способности держать язык за зубами.

Наама отвела взгляд, чувствуя, как начинают гореть уши. Равендорф ни слова не сказал о ее поведении, но она все равно ощутила себя избалованной и неблагодарной малолеткой.

- Это было необязательно...

- Обязательно, - отрезал он. - Не учите меня моей работе.

- Я верну вам потраченные средства, - пообещала Наама, мысленно пытаясь понять, где возьмет деньги. Наверное, придется пойти работать...

Он поморщился.

- Прекратите. Вы мне ничего не должны.

- Должна! - резко возразила демоница. - Я настаиваю на компенсации!

— Ну раз настаиваете... - в его глазах заплясали насмешливые искры. - Тогда откажитесь от мысли убить меня, что бы отомстить за Увалла. Вы этим меня чрезвычайно обяжете.

Слежку Наама заметила на восьмой день.

Поначалу отирающийся у ворот зевака показался ей случайным прохожим, который никак не может найти нужный дом. Но спустя несколько часов, она опять обратила внимание на человека в неприметном сером плаще, которого уже видела парой часов ранее. Тот снова прошелся мимо дома Равендорфа, засунув руки в карманы. И снова слишком уж тщательно пялился на живую изгородь, окружавшую коттедж. Так, словно пытался разглядеть что-то важное сквозь сплетенные ветви.

Что-то или кого-то?

Сердце замерло, в животе заледенело от страха. Наама резко отпрянула и задернула штору с такой силой, что чуть было не сорвала ее с карниза. Стук крови отдавался в ушах, а побелевшие пальцы никак не хотели отпустить плотную ткань.

Она провела у окна несколько часов, забыв о еде и питье. Видела, как незнакомец в сером плаще уходит и снова возвращается. Как заглядывает в соседние дома, рассматривает соседей, заводит с ними вроде бы случайную беседу...

Хотелось выть от тоски и боли. Все предосторожности оказались напрасны, Андросу потребовалось всего восемь дней, чтобы ее найти. Страх медленно перерос в панику, стремление бежать.

Но бежать было некуда. Этот, в сером плаще, ждал снаружи.

Наама отошла от окна. Спустилась в кухню - зачем-то ступая на цыпочках - выбрала самый большой и острый нож и все так же крадучись, словно вор, вернулась к своему наблюдательному пункту. Человек в сером плаще еще несколько раз мелькнул и исчез. Мимо шли люди, проезжали машины. На район медленно опускались сумерки, ощущение неуютно и притаившейся за окном опасности усилилось. Цепочка уходящих вдаль фонарей освещала лишь шоссе, остальное тонуло во мраке. И без того измученные нервы натянулись до предела.

Чтобы не выдать своего присутствия, Наама не стала зажигать свет. Так и стояла за шторой, глядя в темноту, сжимая в побелевших пальцах нож, и вздрагивала от каждого шороха.

Там ее и нашел Равендорф, когда вернулся вечером.

Вспыхнул шар под потолком, заливая пространство комнаты магическим светом. Наама вскрикнула и шархнула в сторону.

- Хмм, - задумчиво протянул безопасник, разглядывая распластавшуюся по стене демоницу с ножом в руках. - Я тоже рад вас видеть, ди Вине.

Ее передернуло от неприкрытого сарказма в его голосе.

- Стойте! Не подходите! - выпалила Наама, увидев, что он собирается пересечь комнату.

Равендорф нахмурился.

- Мне казалось, мы уже обсудили это и пришли к выводу, что я не собираюсь вас насиловать.

- Да нет же, бестолочь! Окно! За домом следят.

Он поверил сразу. перевел задумчивый взгляд на персиковые шторы, кивнул.

- Давно?

- Я заметила сегодня днем. Человек или внешне неотличим от человека. Серый тренчкот. Волосы каштановые. Лицо такое... никакое. Округлое, нос картошкой, - она зажмурилась, пытаюсь воссоздать в памяти облик ищейки до мельчайших деталей и неуверенно закончила. - В руке что-то вроде маленького кейса.

- Он следил именно за этим домом?

— Не знаю, не уверена. Но он ходил рядом. Говорил с вашим соседом, - голос против воли задрожал, выдавая страшное нервное напряжение, в котором демоница находилась последние несколько часов.

- Разберемся, - пообещал бывший безопасник.

Наама тяжело выдохнула и вдруг поняла, что с плеч словно упал невидимый груз. Присутствие уверенного и опытного в подобных делах мужчины помогло лучше любых утешений. Страх перед людьми Андроса по-прежнему холодил душу, но порыв сорваться и бежать куда угодно испуганным зайчонком исчез.

Равендорф отмерил пять шагов от двери. Выразительно покосился на Нааму, а потом, словно решившись, выстукал по настенной панели сложный ритм. Дерево отъехало в сторону, открыв нишу. Нанесенные внутри руны и оси магических фигур светились бледно-голубым.

- Что это?

- Что-то вроде профессиональной паранойи, - задумчиво отозвался мужчина, активируя дополнительные контуры. - Проект коттеджа при строительстве согласовывали со мной, а я люблю знать, что мой дом - моя крепость.

Он закончил, с негромким щелчком вернул панель на место и подошел к Нааме.

- Все. Теперь нас никто не увидит. А это лучше отдайте мне, - с этими словами он мягко, но уверенно отобрал у нее нож и положил на кофейный столик. - Еще порежетесь.

Ноги внезапно превратились в кисель. Наама без сил рухнула на диван. Ее колотила нервная дрожь.

— Не надо бояться, - Равендорф опустил рядом и положил руку ей на плечо, приобнимая в жесте защиты. - Я обещал, что в моем доме с вами ничего не случится.

Странно, но фамильярное вторжение в ее пространство не вызвало у демоницы никакого протеста. Возможно, из-за исходившего от анхелос искреннего желания помочь, поддержать. Она помедлила и осторожно прильнула к мужчине, все еще готовая по первому сигналу сорваться с места, как пугливый зверек, но он не стал распускать руки. Только осторожно погладил ее по плечу.

Физический контакт способствовал ментальному. Наама глубоко вдохнула, погружаясь в эмоции анхелос. Все равно, что в изнуряюще жаркий день окунуться в прохладные волны: спокойствие, уверенность, собранность с ноткой сочувствия и заботы. Не чувствовать выматывающего душу страха было наслаждением. Ситуация не нравилась Равендорфу, но его настороженность и близко не стояла рядом с паникой, которую она ощущала, стоя в темноте у окна.

- Это может оказаться не в вашей власти.

- Дом под надзором службы безопасности. При попытке проникновения, пойдет сигнал моим бывшим коллегам. Поверьте, мы серьезно относимся к таким вещам. Кроме того, - тут он нехорошо прищурился, - режим усиленной защиты, который я только что включил, подразумевает ряд неприятных сюрпризов для любого чужака.

- Вы не знаете на что он способен.

- Считаете Андроса всемогущим?

Демоница пожала плечами. Разумом она соглашалась со словами полковника. Но подсознание не желало слушать доводов рассудка. За годы во власти Андроса тот волевым превратился для Наамы в безмерно могущественную фигуру, чудовище из сказок. Временами бывший хозяин казался ей злым божеством: всезнающим и безжалостным, всегда готовым разгневаться и покарать .

Что может сделать всего лишь полковник службы безопасности в отставке, против ди Небироса со всей его властью и миллиардами?

- Считаете, - неизвестно как Равендорф понял все, о чем она промолчала , но острый всплеск вины в ровном фоне его эмоций выбил ее из только-только найденной точки равновесия.

Интересно, почему он винит себя в этом?

Спросить она не успела. Полковник чуть отстранился, взял ее за плечи и требовательно заглянул в лицо. Наама застыла, всматриваясь в его глаза. Серые и хмурые, наводящие на мысли о штормовых волнах...

- Даю слово чести : пока я жив, вы не станете его собственностью.

Она поверила ему сразу. Поверила и изумилась, не в силах понять, что заставило его дать подобную клятву.

У Торвальда Равендорфа нет ни единой причины заботиться о ней, тут Наама не питала иллюзий. Они никогда, даже в счастливом прошлом, не были друзьями - просто знакомые. И за эти восемь дней она не старалась завоевать его расположение, скорее наоборот делала все, что бы оттолкнуть своего защитника. В конце концов, она же обещала убить его! Пусть ангелос не принял эту угрозу всерьез, он должен, просто обязан был помнить о ее словах.

Так ради чего он сейчас поклялся, фактически объявив себя непримиримым врагом существа куда более влиятельного и могущественного, чем он сам?

- Зачем вам это? - напряженно спросила Наама. Вдруг показалось, что если она узнает ответ на этот вопрос, то поймет что-то очень важное.

Снова долетел отголосок вины, потом Торвальд нахмурился.

- Сейчас куда важнее ответ на вопрос как ди Небирос вышел на вас. Рассказывайте все, что запомнили.

Под руководством безопасника она максимально точно воссоздала все перемещения человека (или нечеловека, в частные детективы куда чаще шли оборотни из мелких кланов) в сером плаще. Полковник слушал, кивал, задавал наводящие вопросы.

- Судя по всему, люди Андроса взяли пеленг на квартал и прочесывают его. Они знают, что сигнал исходит из данного района, но не могут определить его источник, - сделал он вывод. - А это означает, что маяк внутри дома.

- Почему?

- Потому что на стенах экран, затрудняющий сканирование, он рассеивает сигнал, - мужчина задумался. - Мы что-то пропустили во время осмотра?

Наама приподняла брови.

- Мы? Я не ослышалась, Равендорф?

- Я пропустил.

Так и подмывало съехидничать : "Стоило тщательнее искать маяк, а не мечтать, как бы завалить меня в койку", но Наама сдержалась. Сама тоже думала не о тяжелой судьбе родины. Да и осмотр, насколько она могла судить, полковник провел тщательно и профессионально.

- Моя одежда?

- Я избавился от нее, как вы и хотели. И насколько я успел посмотреть, на ней ничего не

было.

- А заколка?

- Обезврежена.

- Вы так уверены?

- Более чем, - он усмехнулся. - Я решил не рисковать, поэтому показал ее коллеге, который специализируется на поисковых заклинаниях.

Перед мысленным взором снова встал коварный подарок. Тонкая работа, клеймо лучшего ювелирного салона страны на брюшке серебрянной летуны. Наама бы не удивилась, узнав, что заколки делали на заказ специально для нее.

Внезапно в памяти во всех красках и мельчайших подробностях возникло то самое утро - последнее утро в Грейторн Холл. Уже одетая, она сидела перед зеркалом и небрежно водила щеткой по волосам. Сооружать сложную прическу не хотелось, поэтому Наама просто потянулась к шкатулке и извлекла двух бабочек, что бы подколоть волосы с одной и с другой стороны...

- Торвальд! - она впервые назвала его по имени, но не заметила этого, захваченная пугающей мыслью. - Послушайте! Я почти уверена, что бабочек было две...

Вторая бабочка нашлась в гараже. Лежала, поблескивая золотыми крыльями под лестницей, ведущей в дом. Судя по всему, заколка слетела, когда Равендорф с Наамой на руках поднимался по ступенькам, а взбудораженная встречей демоница этого просто не заметила.

Безопасник поднял украшение, провел над ним раскрытой ладонью и негромко выругался.

- Маяк? - с упавшим сердцем спросила Наама.

Он кивнул.

- Вы можете убрать его?

- Могу. Но ситуацию это не исправит. Последний раз сигнал был зафиксирован в этом районе. На месте ди Небираса я бы после пропажи утроил усилия и проверил каждый дом. Нет, я сделаю умнее...

На следующий день предательская бабочка покинула дом Равендорфа. Наложённое заклинание рассеивало сигнал и по-прежнему не давало установить ее точное местоположение, но не мешало фиксировать вектор перемещения. Для наблюдателя, следившего за маяком с помощью сканирующих чар, это должно было выглядеть, как спешный отъезд Наамы из пригорода.

Бабочка добралась до центрального вокзала, где и осела в руках карманника, стянувшего ее с головы спящей в зале ожидания женщины. Дальнейшая судьба женщины терялась где-то в паутине бесчисленных железнодорожных путей, сетью вен и капилляров пронизывающих Империю, и отследить ее не представлялось возможным.

- Думаете, он в это поверит? - с сомнением спросила Наама, когда Торвальд набросал ей свой план.

Тот пожал плечами.

- Это лучшее, что мы можем сейчас сделать, чтобы увести ищеек от этого района. Но я бы все равно на вашем месте не стал рисковать и покидать этот дом в ближайшее время.

- Как долго?

Изначально Мэл говорил о двух неделях. Но это было до того, как ее небрежность привлекла к дому сыщиков Андроса.

- Месяц. Возможно, два-три.

Еще три месяца взаперти, вздрагивая от каждого шороха?! Ей захотелось завывать .

Выражение ее лица не укрылось от Торвальда.

- Вам так плохо в моем доме?

Не плохо. Дом напоминал самого Равендорфа : удобный, лишенный внешнего лоска и пафоса. И таящий в себе опасные секреты, как выяснилось.

Плохо было от постоянно снедающей душу тревоги. От страха перед окнами и соседями, ощущения себя внутри осажденной крепости. И от неприятного понимания, что с каждым проведенным здесь днем ее долг перед бывшим безопасником неуклонно растет. Непонятно, чем и как возвращать одолженное.

- Ваш дом не хуже любого другого, скорее даже лучше, - с грустным смешком ответила Наама. - Проблема во мне. Я так устала быть слабой, - против воли в голосе прорезалась звериная тоска. - Все на свете отдала бы за возможность снова принимать боевую форму.

Странно, но Равендорф вздрогнул и виновато отвел взгляд.

ГЛАВА 4

Наама медленно спускалась по лестнице. Магическое освещение не работало, но несмотря на окружающую демоницу тьму, она отлично видела полированные немного вытертые ступеньки и покрытые лаком перила. На одной из планок был скол : небольшая вмятина, слегка кольнувшая пальцы.

Дом, обычно приветливый и уютный, наполнился странными звуками, шорохами, словно в темноте пряталось и скалилось нечто жуткое. Пульсирующий ток крови в висках словно метрономом отсчитывал последние мгновения до беды.

Что происходит? Где Торвальд?!

Дверь гостиной захлопнулась за спиной с грохотом, вспыхнули светильники на стенах гнилостно-тусклым светом. Он не рассеивал тьму, только окрашивал ее в болотные оттенки.

“На-а-ама” – шепотом потекло по стенам, зашелестело в углах осыпающимся песком.

- Кто здесь? – голос дрогнул, и Наама попятилась, чувствуя, как шею щекотят капли холодного пота. Взгляд метнулся вправо, влево. Бежать, бежать из безопасного убежища, разом превратившегося в ловушку...

- Я, – раздался за спиной мужской голос. Глубокий и властный – она узнала бы из десятка тысяч. – Скучала?

Дрожь пронзила все тело. Этого не может быть, просто не может быть! Откуда ему здесь встаться?! Наама со всхлипом глотнула воздух, страшась обернуться.

- Ты правда думала, что сможешь скрыться от меня, На-а-ама? – прорычало ее личное чудовище за ее спиной. - Что сможешь уйти, спрятаться и зажить мирной жизнью в этом прятничном домике?

Он неслышно шагнул и встал сзади. Спиной и ягодицами она ощущала мощное мужское тело. Обжигающе-горячее дыхание пощекотало шею и по телу прошла постыдная дрожь смешанной со страхом похоти. Наама съежилась в ожидании дикой вспышки гнева и последующей боли. Или ласки. Или ласки, смешанной с болью. Какая-то тайная и гаденькая часть ее души встрепенулась от радости, приветствуя господина, и от этого захотелось разрыдаться.

Выдрессировал, словно псину! Научил возбуждаться от его голоса, запаха, приказов, наказаний. Заставил хотеть себя против воли. Знакомое и такое привычное безволие поднялось изнутри, уговаривая сдаться, расслабиться, не спорить. Все равно все будет так, как хочет Андрос.

Тяжелые, словно отлитые из свинца руки, опустились на плечи. Пальцы сжались, оставляя синяки на нежной коже.

— Нет уж, – прошипел он ей на ухо. - Я найду тебя где угодно, На-а-ама. Я в тебе, в твоей крови, мыслях. Ты будешь видеть меня в любом мужчине, но никто из них не сможет дать тебе того, что даю я.

Демон вынул заколку из волос и намотал на кулак длинные черные пряди. Потянул, заставляя ее откинуться назад, положить голову ему на плечо. Пальцы легли на шею и чуть сдавили.

- Только я – твой хозяин!

Он снова дернул за волосы с такой силой, будто намеревался выдрать их с корнем. Наама вскрикнула и в попытке избавиться от острой боли встала на цыпочки, изогнувшись, словно натянутый лук. Мужские пальцы поглаживали беззащитно обнаженное горло, и в этих вроде бы ласковых прикосновениях ощущалась нешуточная угроза.

— Не надо, – выдавила она, ожидая, что вот-вот пальцы сожмутся, чтобы лишить ее остатков воздуха.

Одно время хозяин любил душить ее во время секса. Все начиналось с ласки, но потом Андрос, не переставая двигаться в ее теле, клал ладонь на горло. Надавливал осторожно, медленно, вглядываясь в ее лицо, словно пытался прочесть в нем что-то. Наама помнила тяжесть мужчины сверху, нарастающий шум крови в ушах, странную эйфорию, вызванную недостатком воздуха и требовательный взгляд, словно проникающий в самую душу.

Удивительней всего, что даже в таком положении она умудрялась раз за разом кончать под своим мучителем. Удовольствие было остро приправлено ужасом и ощущением абсолютной беспомощности. В памяти остались черные провалы и яркие вспышки болезненного, почти мучительного оргазма. Демоница содрогалась в экстазе, беспомощно открывая рот, как рыба, вынутая из воды. Дергалась, тщетно пытаясь освободить связанные руки, хоть и знала, что спазмы ее бьющегося в агонии тела доставляют ему невероятное наслаждение.

Потом все темнело, тонуло во мгле. Оставался только нарастающий шум крови в ушах, член, размеренно и сильно входящий в ее лоно, горящие страстью и ненавистью глаза... Он изливался с рыком и убирал ладонь, позволяя глотнуть воздух, и не было ничего слаще этих первых вдохов после тьмы удушья.

Но однажды Андрос не успел остановиться. В тот раз Нааму с трудом откачали, и он, испугавшись потерять ее, не делал так больше.

- Ты - моя! Моя собственность, вещь!

Пальцы на шее угрожающе сжались и тут же расслабились. Он выпустил ее, и демоница отпрянула, держась за горло. Обернулась и попятилась. Андрос в ответ оскалился и шагнул вперед, как хищник, играющий с добычей. Шаг, еще шаг и спина наткнулась на стену. Дальше бежать было некуда. Взгляд цеплялся за дорогой костюм, холеные пальцы в драгоценных перстнях. Поднять голову, что бы встретить свой страх лицом и лицу было слишком жутко.

- А что это за тряпка на тебе? - глумливо спросил мучитель. - На какой помойке ты их взяла?

Простое и строгое домашнее платье - одно из тех, что Равендорф оставил в шкафу для нее. Полушерстяное, темно-зеленое и по-домашнему уютное. Ничего общего с провокативными и яркими нарядами, по которым свет запомнил Нааму ди Вине. Ничего общего с тем, что покупал ей ди Небирос, любивший ее агрессивный и броский стиль в одежде.

Он ухватился за ворот и разорвал платье - небрежно, словно это была ветхая тряпка. Та же участь постигла белье. Холодный ветерок прошелся по коже, поднял волоски дыбом, заставил съежиться соски. Внизу живота поселилось ноющее предвкушение. Бесполезно и бессмысленно сопротивляться. Андрос всегда получает то, чего хочет...

Демон шумно втянул воздух.

- Ты меня хочешь, - с довольно улыбкой отметил он. - Ты всегда пицишь : "Нет", но течешь, как последняя шлюшка.

Подтверждая его слова, пальцы вторглись в мокрое лоно и задвигались, пробуждая в теле сладостные спазмы. Наама тихонько застонала насаживаясь на пальцы. Расслабиться и получать удовольствие? Да, этому она научилась отлично!

Все было привычно : приказы, грубость, ярость. Желание Андроса контролировать ее тело, даря по собственному выбору боль и наслаждение.

- Признай : ты моя, - прорычал он ей в лицо.

- Нет! - обреченно выдохнула она, сама удивляясь тому, что продолжает это безнадежное бессмысленное сопротивление.

- Да, - его пальцы снова вошли - намеренно грубо, причиняя боль. - Ты хочешь меня. Всегда будешь хотеть... Сбежала, но от себя не сбежишь.

Стены подернулись рябью, поплыли. Гостиная Равендорфа превратилась в знакомую до последней прожилки на паркете спальню в Грейторн Холл. Наама закрыла глаза, но продолжала видеть, даже не желая этого.

Побег, надежда на новую жизнь - все мечты. В реальности ее ждал только ди Небирос - личное чудовище.

- Ты была плохой девочкой. На-а-ама, - оскалился мужчина. - И сейчас я накажу тебя за это.

Демон небрежно стянул ей руки за спиной и швырнул на кровать на живот. Демоница уткнулась лицом в подушку и тихо заплакала. Мужские руки приподняли ее за плечи слегка встряхнули...

- Ди Вине, с вами все в порядке?

Она вскрикнула, дернулась и забилась в чужих объятиях, пытаясь вырваться. Почему получается двигаться? Андрос же связывал ее...

- Тише, тише, - успокаивающе пробормотал голос над ухом. Совсем другой голос - звонкий и резкий, не похожий на утробное рычание хищника. - Это просто сон.

- Сон?

Наама замерла в его руках, уткнувшись носом в накрахмаленную рубашку. Теплое облако заботы и тревоги окутало ее, изгоняя остатки полуденного кошмара.

О, Богиня! Всего лишь сон! Андрос не приходил за ней, он не знает, где она. Свободна... пока еще свобода.

Свободна телом. Кошмарный морок был прав, когда говорил, что в глубине души Наама все еще его собственность. Рабыня, вещь. Навсегда.

От этой мысли стало так невыносимо больно, что она не выдержала и снова расплакалась. Мужчина рядом только тяжело выдохнул и сжал ее крепче, поглаживая по распущенным темным прядям. В его объятиях было так уютно, тепло и безопасно. Прикосновения не таили за собой вождения, только желание позаботиться, успокоить.

- Плачьте, - мягко и грустно, без привычной скрытой насмешки, произнес он. - Некоторые вещи нужно выплакать, это не стыдно.

Простые, но такие верные слова стали сигналом. Наама устала, так бесконечно устала носить все в себе, подавлять изматывающий страх перед будущим и прошлым, трястись перед неизвестностью. Устала жить выпустив колючки, ждать в любой момент удара, одиночества, зависимости и беспомощности...

Все это выходило с рыданиями. Слезы впитывались в рубашку, на бледно-голубой ткани темные разводы. Прямо перед глазами маячила лямка серой подтяжки и эта такая простая и банальная деталь мужского гардероба лучше любых слов доказывала нереальность сгинувшего кошмара.

Потом слезы ушли. Осталась только пустота и покой. Наама еще несколько раз протяжно всхлипнула и попыталась отстраниться, но Торвальд не дал ей этого сделать.

- Простите. Я испортила вам рубашку.

- Пусть это будет моей самой большой потерей, - по голосу, и теплым покалываниям его ауры, она поняла, что анхелос улыбается. - Вам нужен платок?

— Не помешал бы.

Он выпустил ее, посеяв в душе странное чувство пустоты и протянул носовой платок. Здоровенный, в крупную синюю клетку.

- Спасибо, — Наама громко и совершенно неженственно высморкалась. В комнате повисла тишина.

Демоница, наконец, огляделась, вспоминая все, что предшествовало кошмару. Гостиная. Да, она задремала в кресле, ожидая Равендорфа, после того как провела несколько часов на кухне в попытках приготовить что-то съедобное на ужин и тем самым отплатить за гостеприимство. За окном синели сумерки, намекая, что сон длился не меньше трех часов.

От устроенной истерики стало неловко. Демоница, которая рыдает от дурного сна, словно ребенок?! Как теперь смотреть безопаснику в глаза? Наама опустила голову. Она никогда не была нервной барышней из тех, что чуть что падают в обморок или ударяются в слезы. К тому же снова вспомнилось собственное поведение по отношению к Равендорфу в первую неделю, от стыда начали гореть щеки.

- Еще раз простите. Я пойду, - она попыталась встать, но Торвальд удержал ее.

— Не надо.

— Надо!

- Что вы собираетесь делать? Запереться в комнате и вздрагивать от каждого шороха?

Снова докатилось : тепло, забота, сочувствие... Наама вздрогнула от внезапного понимания.

- Вы жалеете меня?

В обычной ситуации сама мысль о жалости с его стороны привела бы ее в ярость, но сейчас на полноценный гнев не было сил, и фраза прозвучала скорее потерянно, чем сердито.

- Мне просто приятно ваше общество.

— Ну да, - вот теперь привычная язвительность все же вернулась. - Кто, если не я, нахамит вам прямо с порога?

- Именно, - с насмешливой улыбкой подтвердил он. - Ничто так не бодрит, как хорошая пикировка после рабочего дня.

Под его спокойным и теплым взглядом, Наама ди Вине - искусная в флирте светская львица, безжалостно и легко разбивавшая мужские сердца, внезапно смутилась, как школьница, которой симпатичный старшеклассник помог донести портфель.

— Не знала, что вы носите подтяжки, - ляпнула она, лишь бы хоть что-нибудь сказать.

- Я немного старомоден. В моем возрасте это простительно, - он замялся, а потом все же спросил. - Вам снился ди Небирос?

- Снился, - она вздрогнула, снова вспоминая слишком реалистичный сон и слова морока, так пугающе похожие на правду. - Он никогда меня не отпустит.

- Отпустит. Но потребуется время.

- Ну да, конечно, - она скептически скривила губы. Анжелос будет рассказывать ей о рабстве. - Что вы вообще можете знать об этом?

- Все, - его лицо закаменело, и Наама внезапно задохнулась от чужой скорби - острой, словно боль. - Мне девяносто три года. И первые тридцать три из них меня считали человеком.

Считали человеком? Но ведь прошло всего чуть больше пятидесяти лет после императорского указа, отменившего человеческое рабство. Свобода не далась людям так просто, она родилась в горниле пожара гражданской войны. Торвальд упоминал, что воевал...

Демоница помотала головой, пытаясь соотнести эти откровения с прежним образом полковника. Сначала она просто считала его удачливой выскочкой. Позже, когда узнала о его природе, воспринимала не иначе, чем императорского выкормыша и тайное оружие против таких, как она. Мысль что у Равендорфа могут быть свои причины ненавидеть демонов, просто не приходила в голову...

- И кому вы принадлежали? - хрипло спросила она, в глубине души готовая к жесткой отповеди в ответ на попытку вторжения в чужое прошлое.

Безмерно саркастичная ухмылка изменила его обычно спокойное лицо до неузнаваемости.

- Семье ди Вине. Символично, не находите?

- Ди Вине? - непонимающе переспросила Наама.

В памяти замелькали картинки и лица из детства. Ей было шесть, когда война за Освобождение подошла к концу. В те годы личный пони интересовал маленькую Нааму куда больше всех человеческих рабов вместе взятых, но кого-то она запомнила. Равендорфа среди них не было.

- Конкретно Отису ди Вине.

- Это тому, которого вы...

- Именно, - все с той же кривой улыбкой подтвердил мужчина. - Вашему дяде, которого я

убил.

Все, на что ее хватило это растерянное протяжное “О-о-о”.

Несколько минут они сидели молча, а потом Торвальд резко встал.

- Ладно, предлагаю закрыть эту тему и поужинать .

- Ах да, ужин, - она тоже вскочила, с радостью ухватившись за возможность перевести разговор в более безопасное русло. - Я приготовила паэлью!

Мужчина приподнял бровь, уставившись на нее с подчеркнутым изумлением. В его ауре снова заиграли колкие искорки, означающие смех.

- Вы сделали что?! Повторите, а то я не расслышал.

- Паэлью, - буркнула Наама, испытывая отчетливое желание его стукнуть . - Я нашла рис, а в морозильном шкафу лежали овощи и креветки.

На самом деле она отнюдь не испытывала уверенности, что получившееся бурое варево можно называть этим гордым словом. Однако пахло получившееся блюдо аппетитно, да и на вкус было вполне съедобным.

- Ди Вине, вы меня поражаете.

- Еще слово,и я убью вас.

- Молчу, молчу, - с обманчивой кротостью согласился он, но колючие смешинки, нет-нет да мелькавшие в облаке его эмоций, подсказывали, что все это не более чем маска. - Пойдемте, мне не терпится насладиться вашими кулинарными талантами.

ГЛАВА 5

- Мда-а-а, - протянул он чуть позже, рассматривая неаппетитную клейкую массу с торчащими из нее креветочными хвостиками в своей тарелке. - Ди Вине, я не знаю, кто вам сказал, что вы умеете готовить, но этот кто-то нагло соврал.

От такого пренебрежения плодами ее трехчасового труда, а ещё больше от того, что он был прав, Наама мгновенно вскипела, словно чайник на огне. Можно подумать, ее кто-нибудь когда-нибудь учил кухарничать?! Пусть скажет спасибо, что вообще получилось что-то похожее на еду!

- Не нравится - не ешьте!

- И не собирался, - он поднял на нее смеющийся взгляд. - Я, конечно, джентльмен, но не настолько.

Демоница подвинула к себе тарелку, испытывая почти непереносимое желание разбить ее о голову одного слишком наглого безопасника, и демонстративно отправила себе в рот первую ложку.

Ну... на вкус это было съедобно. Хотя только теперь, тщательно пережевывая зернышки риса, она поняла, что тот частично недоварился. И определенно не хватало соли и специй. Но ведь съедобно? Съедобно! А что пресновато и вязнет в зубах - не такая трагедия.

- Вкусно? - весело поинтересовался проклятый анхелос.

Из чистого упрямства она зачерпнула еще ложку месива и промычала что-то невнятно-утвердительное.

- Этот сорт риса используется для приготовления пудинга, - внимание Равендорфа привлекла этикетка на полупустой упаковке. - Для паэлья он слишком клейкий.

Наама фыркнула и с тоской покосилась в тарелку. Оставалось еще не меньше трех десятков таких же ложек. Но сдаться и признать, что полковник был прав не позволяла гордость.

- Ди Вине, не страдайте ерундой, - он сходил в холл, вернулся с пакетом и начал выгружать на стол судки с уже знакомым логотипом ресторана на боку. - У нас есть крем-суп из брокколи, салат и лобио с курицей.

- Я буду паэлью, - угрюмо сообщила Наама, ощущая себя идиоткой. И зачерпнула еще ложку бурой каши.

Аура Равендорфа вспыхнула радужными всполохами. Безопасник откровенно потешался над ней, и это злило. Просто слов нет, чтобы выразить, как злило.

- Ваше право, - легко согласился он, накладывая лобио себе в тарелку. От восхитительного запаха рот наполнился слюной. Наама сглотнула полупережеванный рис и почувствовала, как тот настойчиво просится обратно.

Она так и просидела весь ужин, впихивая в себя через силу свой кулинарный эксперимент. Равендорф посматривал на нее со все большим изумлением, временами отпуская веселые замечания, на которые Наама откликалась полными яда репликами. Чужие эмоции щекотали кожу еле ощутимыми прикосновениями.

Объем бурой массы в тарелке уменьшился вдвое, когда Наама решила, что этого достаточно для отступления с достоинством, и отодвинула тарелку.

- Передумали издеваться над собой?

- Я наелась, - ледяным тоном отозвалась демоница. - Оно очень сытное.

- Что, даже десерт не будете?

На свет появился еще один контейнер - на этот раз с аккуратно нарезанным ломтиками штруделем. Наама сглотнула, вспомнив, что не обедала. Рис лежал в желудке тяжелым комом, а есть все равно хотелось. Очень хотелось.

- Ну разве что чуть-чуть, - согласилась она, забирая тарелку.

Хвала Богине, у анхелос хватило такта никак не откомментировать почти молниеносное исчезновение штруделя. Торвальд просто молча подложил еще пару кусочков, и Наама не нашла в себе сил возмутиться.

- Я веду себя как ребенок? - спросила она, наблюдая за тем, как он собирает опустевшие тарелки.

- Есть немного. Но это нормально в вашем положении. Полное бесправие и зависимость не способствуют взрослению. Вы не против, если я выкину остатки паэли? Или собираетесь потом разогреть и подкрепиться?

От последних слов ее передернуло против воли.

- Выкидывайте!

- А у вас было так же? - спросила Наама, засучивая рукава, чтобы вымыть грязную посуду. По изначальной договоренности они с Торвальдом мыли ее по-очереди. - Ну, когда вы освободились?

Тон его эмоций сменился с благодушного на настороженный, даже напряженный, выдавая неготовность к откровениям, но он все же ответил. Сухо и скупно, уводя разговор от своей истории, которая интересовала демоницу больше всего.

- Нет, не так. Но я достаточно насмотрелся на людей после войны. Большинство не были готовы к свободе, и не знали, что делать с ней. Даже те, кто изначально мечтали об избавлении от рабства. А многие сразу же подписали пожизненные контракты, что бы остаться с хозяевами.

- Я помню, - задумчиво отозвалась Наама. - У нас в поместье было много контрактников.

- Их и сейчас хватает. Кого-то привлекают деньги, кому-то просто кажется, что так легче, - в голосе безопасника зазвучала неожиданная горечь. - Каждый год десятки людей гибнет из-за того, что их хозяева переходят черту. Сотни и тысячи теряют возможность чувствовать хоть что-то, превращаются в эмоциональных зомби, но желающих меньше не становится. Рабство теперь в моде. Оно перебралось в спальни и будуары и больше не предполагает тяжелой работы в полях.

Наама посмотрела на него с удивлением. Надо же: похоже Равендорфа действительно серьезно волнует этот вопрос. Кто бы мог подумать. Ей вот жадных дураков, добровольно подписавших контракт на рабство, не было жаль ни на волосок.

- Люди забыли, - продолжал меж тем безопасник. - Они слишком мало живут. Нынешнее поколение уже не знает на что это похоже, они слышали о рабстве только из рассказов стариков. Зато пиарщики стараются вовсю, расписывая как здорово быть секс-игрушкой у демона. Агентства устраивают конкурсы, отбирая самых красивых юношей и девушек. А поток кандидатов не иссякает, вот что страшно.

- Это потому, что люди сами по себе склонны к подчинению, - фыркнула демоница. - Им нужна хозяйская рука...

Лицо анхелос закаменело, словно она ляпнула вопиющую бестактную грубость, а палитра эмоций напротив вспыхнула яростью - впервые на памяти Наамы. Она вздрогнула, отпрянула и съежилась, ожидая окрика или удара, но Равендорф только ощупал ее неприятно-холодным, оценивающим взглядом.

- Слова Увалла ди Вине. Не думал, что услышу их от вас, Наама.

Она запоздало подумала, что разочаровала его. И сама удивилась испугу, который появился в душе от этой мысли. Захотелось попросить прощения, словно она была не взрослая женщина, а глупая девчонка, повторившая за чужим дядей нехорошие слова.

Эта мысль рассердила, а злость предала уверенности. Наама выпрямилась, отряхнула пену с рук и дерзко взглянула в лицо мужчине.

- Я тоже ди Вине.

- Верно. А я уже начал забывать, - с издевательскими интонациями протянул Равендорф.

Вроде простые слова, но Нааме показалось, что он хлестнул ее по лицу. - Демоны всегда остаются демонами, только я раз за разом делаю одни и те же ошибки, пытаюсь судить их по себе. Думаю, вы управитесь с посудой и без меня, ди Вине. Хорошего вечера.

- Давай, катись отсюда, - прошипела ему в спину Наама. В горле откуда-то взялся горький ком, который никак не получалось проглотить, и глаза щипало - мыло туда попало что ли? - Я и не просила сидеть со мной.

А когда за полковником захлопнулась дверь, демоница вдруг тихонько всхлипнула.

В доме снова повисло напряженное молчание - хуже, чем в первые дни. Ушли в прошлое совместные ужины и беззлобное подтрунивание со стороны полковника. Равендорф приходил поздно, словно намеренно старался бывать дома как можно меньше. Сухо приветствовал Нааму, выгружал на стол судки с едой и уходил в свою комнату, не вступая в спор. Завтракал, обедал и ужинал он где-то в городе, даже в выходные дни стараясь лишний раз не встречаться со своей гостьей.

И неважно, что совсем недавно Наама избегала его общества, такое демонстративное пренебрежение оскорбляло и злило демоницу. И что уж совсем никуда не годилось - порой она чувствовала почти нестерпимое желание извиниться перед анхелос, взять свои слова обратно.

Она стискивала зубы и гнала эти мысли прочь. С чего бы извиняться?! Она сказала правду - только раб по натуре добровольно обменяет свою свободу на горсть монет! Равендорф печется об интересах людей куда больше, чем сами людишки.

Несмотря на возникшую меж ними неприязнь, полковник вел себя предельно корректно. Следил, что бы в холодильном шкафу всегда была еда, открыл доступ к стационарному терминалу, когда Наама захотела написать сыну, без возражений привез несколько женских штучек, о которых она его попросила. И все же напряженное отчуждение, поселившееся в доме, давило на нервы. Демоница то злилась, то хандрела, часами бессмысленно смотрела в книгу, не понимая смысла прочитанных фраз, и наворачивала круги по комнате, не зная чем себя занять .

Миновала еще неделя добровольно-принудельного проживания в статусе гостьи, и Наама поняла : еще немного и она начнет бросаться на стены. Чувство вины, злость, вынужденное безделье и страх перед будущим окончательно вымотали и без того натянутые нервы. Ее тошнило от этого уютного домика и его слишком правильного обитателя. Хотелось уйти, окончательно закрыть позорную и страшную страницу своей жизни, что бы начать все с начала.

В этот вечер Наама, еле дождавшись Равендорфа, объявила, что хочет уехать, несмотря на риск. Она давно уже не видела ищеек рядом с домом и уверена, что это будет безопасно. Очевидно, что фокус с бабочкой сумел отвлечь Андроса.

Полковник выслушал заранее подготовленную речь и помрачнел.

- Я не хотел вам говорить, ди Вине, но за районом ведется слежка. Круглосуточная и куда более аккуратная, чем две недели назад.

Стало холодно, словно ледяной ветер облизал кожу.

- Он знает?

- Скорее старается учитывать все варианты.

- Но вы ведь можете вывезти меня в багажнике, как в прошлый раз?

Равендорф еще больше помрачнел, побарабанил пальцами по краю стола.

- Могу. Но мне не нравится, что в этом случае вы останетесь совершенно беззащитной.

- Можно подумать, вам есть до этого дело, - горько улыбнулась Наама.

Анхелос явно будет только счастлив , если ди Вине, которую он приютил по странной прихоти, исчезнет из его дома и его жизни.

- Есть . Я привык доводить работу до конца, - он посмотрел на нее в упор,и Наама с невольным облегчением отметила, что лицо полковника больше не напоминает застывшую маску, как было всю последнюю неделю. Нормальное такое лицо. Даже симпатичное.

- Дайте мне оружие, - предложила она, в душе радуясь, что их разговор снова начинает походить на привычные вечерние пикировки. Смешно сказать, но кажется она соскучилась по ним.

Он скептически поднял бровь.

- И чем это поможет?

- С оружием я уже не буду беззащитной.

Чистое ерничанье. Что может сделать даже очень совершенное магически усиленное оружие против демона?

- Не говорите глупости... - он замер, словно в голову ему пришла внезапная мысль. - Оружие? Хммм... а это идея!

ГЛАВА 6

В этот вечер Торвальд приехал раньше обычного. И он приехал не один.

Наама выпорхнула в холл, что бы встретить его, и попятилась, обнаружив за широкополечим полковником долговязого и тощего незнакомца.

- Хорошего вечера, ди Вине, - приветствовал ее Равендорф, переобуваясь в неизменные домашние тапки. - Позвольте представить вам...

Слушать дальше демоница не стала. Вспугнутой птицей взлетела вверх по лестнице. Сердце колотилось так, что стук отдавался в ушах, ладони застыли и стали влажными от пота. Ей казалось, что коттедж, бывший безопасным убежищем, а затем осажденной крепостью, превратился в коварную ловушку. Стены сжимались, угрожая раздавить, а где-то за спиной маячил подозрительный тощий тип.

Торвальд же клялся, что защитит! Что не отдаст никому! И сам привел чужака.

Она захлопнула дверь, с размаху опустив засов, отползла к окну, забившись в узкую щель между стеной и шкафом и только затем подумала, что прятаться - глупо. #285372704 / 13-Feb-2018 Равендорф найдет ее здесь в два счета.

Нужно было напасть.

Ответом на ее мысли за стеной зазвучали шаги, а потом кто-то подергал снаружи ручку двери.

- Ди Вине, что вы устроили? - раздался укоризненный голос полковника. - К чему этот балаган?

Наама закусила губу. Бессмысленно молчать, Торвальд знает, что она здесь.

- Ты привел чужака, - истеричные нотки в собственном голосе, как ни странно, помогли взять себя в руки. - Не предупредив! Мы так не договаривались.

- Да, - мужчина за дверью смущенно кашлянул, и Наама вдруг пожалела, что находится так далеко от него и не может уловить его эмоций. Возможность слышать, что творится в душе анжелос давала очевидное преимущество. Можно солгать словами, а вот чувства подделать куда сложнее. - Простите, это было неразумно с моей стороны. Но у Макконелла очень плотное расписание, ему и так еле удалось высвободить сегодняшний вечер для консультации. Я отправил вам сообщение через терминал, - после паузы добавил он.

- Я не видела его. Провела весь день с книгой, - демоница медленно выдохнула, выбираясь из щели. Паника отступила, и теперь Наама сама удивлялась своей острой реакции на гостя.

- Неловко получилось. Может, откроете? - в голосе полковника зазвучали привычные насмешливые интонации. - Через дверь неудобно разговаривать.

Она подошла ближе. Настолько близко, что бы поймать его нетерпение и скрытую досаду. Вполне естественные в этой ситуации чувства, если Торвальд действительно не хотел ничего дурного.

- Кто этот человек и зачем вы привезли его сюда?

- Он не человек.оборотень. Эндрю Макконелл - мой коллега. Лучший в стране специалист по энергетическим воздействиям на тонкие тела и штатный консультант службы безопасности. Наама, откройте. Мне не нравится общаться через дверь, кроме того неудобно перед гостем, который ждет нас внизу.

Она сделала еще один шаг к двери.

- И зачем он здесь?

- Чтобы вас осмотреть. Считайте это что-то вроде визита доктора.

- Я не больна.

Досада переросла в раздражение.

- Наама, вы мне доверяете? Если "да", то открывайте дверь. Поверьте, осмотр Эндрю в первую очередь в ваших интересах.

Доверяла ли она ему? Пожалуй, нет. Не до конца. Но все же, если бы Равендорф захотел ее предать или отдать людям Андроса, он мог сделать это сразу. Да и сейчас ничто не мешало полковнику выбить дверь.

Наама ещё раз тяжело выдохнула и откинула засов. У мужчины за дверью был очень недовольный вид, на мгновение она почувствовала себя виноватой.

- Простите. Это... как рефлекс.

- Я понимаю. Но если вы хотите жить в обществе, стоит что-нибудь сделать со своими рефлексами, - мягко заметил полковник. Перехватил ее за руку чуть повыше запястья жесткими горячими пальцами и потянул за собой вниз по лестнице.

Гость ждал их в гостиной. Вблизи он оказался моложе, чем она подумала вначале. Кудлатый и какой-то слегка неухоженный, похожий на длиннолапного щенка. Однако взгляд, которым оборотень наградил демоницу, оказался неожиданно острым и внимательным.

- Итак, Эндрю, позволь тебе представить - госпожа Наама ди Вине. Наама, это Эндрю Макконелл, мой коллега.

- Я прошу прощения за свое бегство. Не знала, что сегодня следует ждать гостей.

- Любопы-ы-ытно, - протянул Макконелл, продолжавший разглядывать ее так пристально, словно читал невидимые письма, нанесенные на ее тело. - Очень-очень любопытно, - он резко вскочил. - Так, у меня не слишком много времени, поэтому давайте без реверансов, хорошо? Садитесь... - он на секунду задумался, а потом ткнул в ближайшее кресло. - Вон туда. Да-да,туда!

С этими словами оборотень снял пиджак и начал закатывать рукава рубашки. Наама вопросительно покосилась на Торвальда.

- Делайте, что он говорит, - шепотом ответил полковник. - Эндрю - один из лучших специалистов по врожденным и приобретенным дефектам ауры.

- А я тут при чем?

- Все объяснения после, - мужчина умоляюще посмотрел на Нааму, и его эмоции заискрились нетерпением. - Пожалуйста, верьте мне.

Сама не понимая почему делает это, демоница послушно опустилась в кресло.

С полчаса оборотень стоял над ней. Он то закрывал, то открывал глаза, надевал и снимал смешной прибор, похожий на очки с толстыми выпуклыми линзами. Водил руками над ее телом, а то и прикасался - энергично и весьма фамильярно нажимая на чакры. Пару раз Наама едва удержалась, чтобы не заехать ему в глаз или ниже пояса. Да она и не стала бы сдерживать, если бы не присутствие Равендорфа. Полковник стоял рядом, как гарант того, что незнакомец не зайдет слишком далеко. Стоял и излучал очень странные эмоции. Демоница готова была поклясться, что и надежда, и страх, который испытывал безопасник, были тесно связаны с результатами сегодняшнего обследования. От этого ее собственное любопытство разгоралось все сильнее.

- Уффф... пожалуй все, - объявил оборотень, стягивая прибор, похожий на очки. Толстые линзы слегка светились, словно сами по себе.

- Какой прогноз? - напряженно спросил Равендорф.

- Думаю, можно рискнуть, но...

В этот момент и без того невеликое терпение Наамы окончательно лопнуло. Она встала, сложив руки на груди, и прожгла мужчину по очереди гневным взглядом.

- Я жду объяснений, полковник!

- Помните, мы говорили о том, что бы снабдить вас оружием? Так вот: Эндрю полагает, что

сможет вернуть вам демоническую сущность, - просто сказал Равендорф, и до Наамы докатилось его облегчение, словно это не ей, а Торвальду только что пообещали вернуть магию и силу.

На мгновение она страшно растерялась . Наама ждала чего-то иного. Чего угодно, только не этого. Любой демон знает, что отсечение тени - это навсегда. Страшная кара, не применявшаяся веками. Еще прапрадед нынешнего императора вычеркнул ее из уложения о наказаниях, заменив куда более гуманным отсечением крыльев.

Наама давно смирилась с утратой, оплакала ее и приняла свое жалкое существование. Демоница по рождению, человек по возможностям. Могло быть и хуже.

И вот теперь какой-то долговязый оборотень, похожий на щенка-переростка, говорит, что все можно поправить?! Да что он вообще может знать об истинной сущности демонов?!

- У Эндрю революционная теория о природе связи демонов с их вторым обликом, - отозвался Равендорф. - Поначалу это кажется бредом, но стоит поближе ознакомиться с выкладками, как понимаешь, что что-то в этом есть . Вот только все это - голая теория, подтвердить которую экспериментально весьма проблематично. Однако если удастся восстановить вашу суть...

- Ты не дал мне договорить, Тор. Есть одно маленькое "но", - откликнулся оборотень. Он уже убрал оборудование в старомодный саквояж, но продолжал разглядывать Нааму со странным выражением на лице, напоминающем жалость. - Отсечение произошло слишком давно, выходные каналы зарубцевались. Можно рискнуть, но это будет равноценно хирургической операции на ауре с проникновением третьей степени. И ты сам понимаешь, чем это грозит, в случае неудачи.

Волну страха и вины, хлынувшую от Равендорфа, Наама ощутила, как толчок. Она на мгновение потеряла ориентацию и вцепилась в спинку кресла, что бы не упасть.

- Нет! - резко отрезал анхелос. - Тогда это не подходит. Ищи другой способ.

Макконелл покачал головой.

- Другого способа нет. Или так, или никак.

- Значит, никак.

- Стоп, - демоница помотала головой, восстанавливая дыхание. Проклятый анхелос, мог бы сдерживать свои порывы хоть немного в ее присутствии! - Я что-то пропустила! Еще раз : что мне грозит в случае неудачи?

Оборотень замялся.

- Я не могу утверждать этого на сто процентов... Проникновение третьей степени чаще всего оставляет...

- Смерть, - резко перебил его Равендорф. - В случае неудачи вы умрете, ди Вине.

Наама вторично покачнулась . В ушах зазвенело и ноги вдруг сделались ватными, отказались держать ее.

- А в случае успеха? - хрипло спросила она. - Я снова смогу пользоваться магией и обращаться в демона?

- Скорее всего. Хотя гарантии нет, - Макконелл развел руками. - Никто до меня не делал подобного. Первопроходцам всегда сложнее. Но подумайте, как обогатит этот эксперимент магическую науку! Как много нового мы узнаем о природе ваших сородичей!

- Не обогатит, - отрезал Равендорф. - Потому что Наама не будет в этом участвовать, - он повернулся к ней - насупленный, серьезный. - Простите, ди Вине, что заставил пройти вас через это. Я ничего не знал про риски, когда приглашал Эндрю.

Возмущение и злость пробилась даже сквозь охватившие Нааму апатию. Она скрестила руки на груди и с вызовом уставилась на мужчину.

- По какому праву вы принимаете за меня решение? Разве вы мой опекун или хозяин?

- Но...

- Не надо ничего говорить, - Наама перевела взгляд на оборотня и выговорила, словно шагая в ледяную прорубь. - Пусть будет операция. Я согласна!

Операцию было решено провести все в том же коттедже, приспособив для этого одну из пустующих гостевых спален. Проходившая мимо комнаты Наама заглянула внутрь и застыла в дверях, наблюдая, как суетится Макконелл и два его ассистента. Проверяют последний раз настройки артефактов, расставляют оборудование, вычерчивают на стенах, полу и даже потолке длинные цепочки рунических символов и медленно напитывают их силой.

Наблюдала и молчала. На душе было удивительно пусто. Только мысль о весьма вероятной скорой смерти отзывалась внутри покалывающим холодком.

Может, Торвальд прав? Жизнь, даже в таком неполноценном варианте, очень нравилась Нааме. Вкусы, запахи, эмоции. Радость и гнев, потери и обретения - все это имело сотни оттенков и красок, составлявших бесконечно богатую палитру бытия. Лишиться этого, когда впереди еще минимум двести насыщенных лет, было страшно. Стоит ли рисковать?

Равендорф был категоричен: не стоит.

В тот вечер они страшно поругались. Макконелл давно ушел, подмигнув на прощание Нааме и сообщив ей, что она сделала "правильный выбор", а они все спорили и спорили, засидевшись за полночь. Полковник пугал и угрожал, в красках расписывая смерти от неудачных операций, свидетелем которых ему доводилось быть. Хуже всего, что от него действительно тянуло едким страхом - страхом не за себя, за нее. Торвальд желал ей добра.

И почти убедил ведь! Не перейди Равендорф в последнюю минуту к прямым запретам и угрозам, Наама, вероятно, сдалась бы.

- Хватит, - стукнул он кулаком по столу, обрывая самого себя на полуслове. - Вопрос закрыт. Пока вы живете в моем доме, я не допущу такого глупого риска.

Наама ощутила обжигающую ярость. Что он о себе возмнил?! Она не ребенок и не рабыня, чтобы Равендорф приказывал ей.

- Тогда я вынуждена буду завтра же покинуть ваш дом, - холодно процедила она в ответ. - Спасибо за все, что сделали для меня.

Этот вариант не устраивал уже Равендорфа и спор разгорелся с новой силой.

- Вам же будет легче, если я умру, полковник, - насмешливо заметила демоница уже в первом часу ночи, когда они оба ужасно устали, а потоки аргументов с обеих сторон иссякли. - От меня одна головная боль. А так и совесть чиста, и проблем никаких. Не придется больше покупать еду на вынос и пропадать в городе, чтобы не видеть меня лишней раз.

Он потемнел лицом.

- Вот какого вы обо мне мнения, ди Вине?

Она устыдилась. Действительно, как бы Равендорф к ней не относился, он никогда не давал понять, что случайная гостья - обуза. Если даже анхелос и задерживался в городе, что бы как можно меньше встречаться с Наамой, он ни разу не упрекнул ее в этом.

- Нет. Но я все равно не понимаю, почему вас так заботит моя жизнь.

- Пока вы живете в моем доме, я за вас отвечаю.

Это не могло быть правдой. По крайней мере всей правдой, поскольку полковник совершенно не горел желанием отпустить ее и тем самым снять с себя бремя ответственности за такую неудобную подопечную. Но чувствовать его заботу и тревогу было приятно. Озвучивая страхи и сомнения, Торвальд помогал Нааме становиться смелее.

Если бы он еще не был такой занудной и настырной занозой в заднице.

Споры продолжались все пять дней, пока велась подготовка к операции. Равендорф даже подключил Армеллина. Тот не мог приехать для личной встречи - подобный визит наследника

ди Небираса для всех ищеек Андроса был бы равносильна вывеске “Беглянка прячется здесь”. Но сын несколько раз связывался с ней через терминал, уговаривая не делать глупостей.

Наама была непреклонна. Возможно, она просто не могла до конца поверить в реальность собственной смерти, но жгучее, нестерпимое желание снова стать полноценной чем дальше, тем сильнее овладевало ее душой. Вернулись давно позабытые сны. Полеты над ночным городом в демоническом облике. Магия, раскаленной лавой текущая меж пальцев, пьянящее ощущение безграничной власти и силы.

Нет, Наама не могла отступить.

Она не сказала Армеллину точную дату операции, и не стала прощаться с ним в суеверной надежде, что недосказанность, оставшаяся между ней и когда-то нежеланным ребенком, поможет выжить, несмотря на все риски. Но в день назначенной операции внезапно пожалела об этом. Что, если завтра так и не наступит? Что она оставит на память о себе сыну, которого так и не успела толком узнать?

Неслышно подошел Равендорф, встал сзади. Она не оборачивалась, но почувствовала его присутствие. Захлестывающие волны тревоги, злость и странное смирение. Полковник категорически не одобрял ее решение, но он принял его.

- Нет нужды находиться здесь, Эндрю управится и без вас, - мягко заметил он.

- Да-да! - живо отозвался Макконелл. - Идите отсюда, вы нам только мешаете.

Демоница вздохнула. Она сама не знала почему ее так тянуло в будущую операционную. Вид этой комнаты и сосредоточенно работающих мужчин дарил надежду, что все будет хорошо.

Она позволила себя увести на кухню. Безропотно приняла из рук анжелос кружку с горячим чаем - молочный оолонг без сахара, ровно такой, как она любит. За месяц жизни бок о бок Торвальд изучил ее вкусы. И он действительно старался сделать все, что бы ей было хорошо в его доме.

- Спасибо.

Он мрачно кивнул, и Наама снова поймала отзвук чужого недовольства и тревоги. Хорошо, что хоть отговаривать снова не принялся. Понимал - бесполезно.

Все так же, как было уже как много раз до этого. Заварник, крохотные чашки из императорского фарфора, колотый сахар в вазочке на столе. Чаепитие по-плебейски, на кухне - в доме имела столовая, но Торвальд пользовался ею крайне редко. Возможно потому, что в отсутствии прислуги бегать туда и обратно с посудой было просто неудобно.

Все так же, но не так. В молчании не было покоя. Только нервное ожидание.

Возможно, это их последнее чаепитие.

- Торвальд...

- Наама, я...

Они начали одновременно. И одновременно замолчали, уставившись друг на друга. Потом он усмехнулся.

- Вы что-то хотели сказать?

- Да, - она отвела глаза, с преувеличенным вниманием изучая розочки на скатерти. - Я хотела... Насчет тех моих слов. Думаю, я должна извиниться. Я мало чего знаю о людях и судила, не разбираясь.

Произнести это внезапно оказалось куда проще, чем она думала. Наама выдохнула, наслаждаясь странным чувством облегчения, и подняла взгляд на мужчину.

- Кроме того, я хочу сказать спасибо за все, что вы сделали для меня. И за ваше терпение. Я иногда бываю просто несносной.

Она ждала, что Торвальд ответит шуткой, в своем обычном стиле. Но вместе этого сердце тревожно сжалось от дикой смеси нежности, вины и печали. Чужие чувства, попав в минорные аккорды, звучавшие в душе, ощутились как свои - полностью и целиком.

- Я тоже должен попросить прощения, - тихо выговорил мужчина. - Мне стоило не поддаваться эмоциям, а переубедить вас. Если вам будет интересно, я потом поделюсь фактами. Все не так однозначно, как может показаться на первый взгляд.

Потом... Спасибо ему за это "потом". За то, что он, несмотря на свое категорическое несогласие с решением Наамы, отбросил в сторону страшную статистику, которой пугал ее всю неделю и теперь говорил так, словно не сомневается - это "потом" обязательно наступит.

Захотелось сказать еще что-то. Но что? Самое главное уже прозвучало, любые другие слова после этих казались лишними.

Так они и пили чай в молчании.

ГЛАВА 7

Оглушительно громко тикали часы, отсчитывая последние мгновения. Наспех переоборудованная в больничную койку кровать казалась жесткой и неудобной, но ворочаться и вставать, после проведенной тонкой настройки, было нельзя ("крайне нежелательно", как выразился Макконелл). Поэтому Наама рассматривала потолок.

Скучный потолок. Белый, как и в других комнатах коттеджа. Никакой гипсовой лепнины или арок, которые встречались в Грейторн Холл. Только еле заметное пятно в форме летящей птицы в углу у окна.

- Еще раз : тестовый пуск, - раздалась отрывистая команда над головой. Контурные нанесенных фигур и рун разом вспыхнули, заполняя пространство кроваво-красным сиянием, словно в комнате бушевало пламя. Красный сменился оранжевым, потом желтым, зеленым... Как рекламная вывеска, которую лишенный вкуса владелец настроил на поочередное отображение всех цветов радужного спектра. Макконелл довольно крякнул.

- Ну что, готовы? - над Наамой нависло его плохо выбритое лицо. Парадоксальным образом щетина делала оборотня моложе.

Она вдруг поняла - все. Теперь совсем все. И содрогнулась в приступе неконтролируемой дрожи.

- Торвальд?! - Наама чувствовала его рядом - тревога, напряжение, снова отчего-то вина, словно он был причиной всего происходящего.

Но одних эмоций было недостаточно. В эту минуту на пороге неизведанного хотелось видеть, знать, что рядом есть кто-то, кому Наама не безразлична. Для кого она не просто интересный медицинский случай. Тот, кто тревожится за нее.

- Я здесь, - он вынырнул из-за спин ассистентов. Горячие пальцы погладили ее руку, сжали.

- Вы ведь не уйдете?

- Не уйду.

Он хотел было вернуться на свое место в углу, но Наама вцепилась в ладонь.

- Не отпускайте меня! Пожалуйста, слышите! Что бы ни случилось!

Равендорф обернулся к оборотню:

- Эндрю?

- Да ладно, - тот махнул рукой, указывая на стул в изголовье кровати. - Сиди там, только очень тихо.

Полковник пересел и теперь Наама могла видеть совсем близко его сосредоточенное, мрачное лицо. От пальцев, сжимавших ее ладонь, по коже словно текло горячее пламя.

- Готовы? - снова поинтересовался Макконелл. - Раз, два, три. Поехали...

Темнота... бесконечный темный туннель , а может дыра, в которую задувал пронзительный холодный ветер. Наама падала в нее , пока не опустилась на самое дно.

Здесь стоял туман. Непроглядный и тяжелый, он вцеплялся в одежду, волосы цепкими холодными пальцами. Норовил сбить с пути, утянуть куда-то в холодное промозглое ничто. Она вырывалась и шла дальше, зная, что вот-вот достигнет заветной цели.

Туман расступился, открыв взгляду каземат. Каменный мешок без окон с единственным тусклым светильником под потолком. Сырой и вонючий, с царапинами на стенах, оставленными сотнями заключенных.

Но Наама вздрогнула не поэтому. Она узнала темницу.

Карцер в подвале императорской тюрьмы, в котором она томила почти три месяца, ожидая смертельного приговора. Место, не раз потом приходившее в кошмарах. Она провела кончиками пальцев вдоль стены и ощутила бороздки, которые выцарапывала каждый раз, когда тюремщик приносил еду.

Звонкий звук хлыста вспорол могильную тишину этого места. Карцер внезапно раздался, вытянулся в длину, словно искаженный в кривом зеркале. Наама вскинула голову и увидела на другом конце узлища еще двоих. Закованная в цепи демоница - в истинном облике, с рогами, когтями и крыльями - она даже не пыталась порвать свои оковы. Только скулила и медленно отползала к стене, не отрывая взгляда от наступавшего тюремщика - огромного демона с бичом в руке.

Бич еще раз громко щелкнул и лизнул закованное в чешую тело, оставляя на нем белую полосу. Пленница взвыла от боли, отпрянула и уперлась спиной в стену. Кожистые крылья распластались по влажному камню...

Не понимая до конца, что и зачем она делает, Наама шагнула вперед. А мгновением позже узнала их обоих, и не смогла сдержать изумленный вскрик.

Та, что злобно скалилась и прижималась к стене была Наамой - нельзя не узнать свой демонический облик. А тот, второй...

Она видела его в этом облике дважды. Первый раз, когда пыталась отравить. Он понял это, и пришел в неимоверную ярость, не желая сдерживать трансформу. О том, что было дальше Наама старалась не вспоминать.

И второй раз. Когда подняла над израненным после боя мужчиной кинжал, что бы добить его. Когда сказала, что не простит и не полюбит никогда. Что убьет его, даже помня, что этим убивает себя - раб , поднявший руку на хозяина не имеет права на жизнь.

Но он обратился, а она так и не успела ударить.

Андрос ди Небирос. Узнав его, она даже испытала странное облегчение. Кому же еще быть тюремщиком и палачом в этом месте сотканном из кошмаров?

Ди Небирос тоже узнал ее. Узнал и оскалился в довольной ухмылке.

- Сама пришла, - прорычал он. В один прыжок преодолел разделявшее их расстояние, чтобы нависнуть над женщиной. Щелкнули над ухом зубы.

- Ты останешься здесь со мной. С нами, На-а-ама.

- Нет! - она отшатнулась, но тяжелые лапы уже легли на плечи. Обожгло болью - когти глубоко впились в тело, а бешеное пламя , полыхавшее в фиалковых глазах, говорило лучше любых слов - это только начало.

- Да! Теперь ты моя. Моя полностью, до конца.

Демоница дернулась, забилась и завизжала. Память о прожитых годах, о побеге, о только-только начавшейся новой жизни смыло водой первобытного ужаса. Разве может он - такой реальный, всесильный и страшный быть всего лишь фантомом , порождением ее кошмаров? Было ли вообще в ее жизни когда либо что-то иное, кроме темницы и тюремщика, страха, боли и похоти? Разве он не прав, и она не принадлежит ему целиком. Телом, которое столько раз принимало его удары и его возбужденную плоть. Душой, в которой не осталось места ни для кого, кроме ненавистного властного хозяина.

- Здесь твое место.

По щекам потекли слезы. Никогда. Не будет. Ничего. Можно сбежать, но от себя не сбежишь. Где-то в глубине души она навсегда осталась пленницей своего жестокого хозяина.

Наама сердито мотнула головой, стряхивая слезы. И вдруг замерла, встретившись взглядом с Наамой номер два. Та все еще жалась к стене и скалилась. Беспомощная, жалкая, униженная - совсем не похожая на грозную дочь самой свирепой расы подлунного мира.

И все же в глазах пленницы горела неукротимая злость и решимость бороться снова и снова. До конца. Как боролась Наама все эти годы - с собой, обстоятельствами, судьбой.

Время застыло. Замер палач, словно изображение на спектрографии. Как в зеркало Наама вглядывалась в Нааму. А потом сжала кулаки, готовая снова, если потребуется, сражаться, рвать мучителя когтями и зубами до последнего вздоха.

В правой ладони что-то вспыхнуло. Неожиданная тяжесть потянула руку вниз, Пальцы ощутили горячую, словно нагретую на солнце рукоять меча в кожаной оплетке. От нее по телу разбегались колючие яркие искры.

Что это? Откуда?

Не было времени думать. Не обращая внимания на жгучую боль от когтей, демоница подалась назад, вырвалась из захвата.

- Я никогда не была и не буду твоей, ди Небирос, - с ненавистью выкрикнула Наама ему в оскаленную пасть, прежде чем обрушить пылающий клинок на свой самый жуткий кошмар. Первый удар лег неудачно. Вместо того чтобы снести ди Небиросу голову, клинок только чиркнул, срезая кончик уха. Демон попятился и зарычал. Но теперь в его рычании слышались растерянные нотки.

- Откуда у тебя клинок души анхелос?

- Подарочек от друга, - она зло ухмыльнулась, чувствуя, как страх уходит, уступая место азарту и ярости. Шагнула к нему и снова вскинула клинок. На этот раз она отсекала палец, увенчанный кривым черным когтем. Полный боли вой смешался с торжествующим смехом.

Шаг. Взмах. Крик боли. Монстр, выпестованный ее воображением пятился отступал, а Наама наступала, нападала. Впервые за годы рабства она почувствовала себя сильнее и теперь разила мучителя мечом без малейшей жалости, даже с садистским удовольствием. Словно мстила за всю боль и унижения, которые пришлось испытать за эти годы. И так ли важно, что он был всего лишь фантомом, воплощением ее страха и бессилия перед могуществом хозяина? Этой твари не место в душе Наамы!

Демон пытался уворачиваться, скалился, а то и нападал в ответ. Но тут же трусливо отшатывался, жмуря глаза при виде пылающего огнем клинка. Один вид оружия лишал ди Небироса сил и власти в этом призрачном мире. Наама цеплялась побелевшими пальцами за рукоять меча, и, захлебываясь, пила силу клинка. Могучая, яростная, очищающая она волнами прокатывалась по телу, выжигая сомнения.

Наконец, демоница загнала противника в угол и остановилась, тяжело дыша. Смерила взглядом. Даже иссеченный оц внушал страх.

- Тебе не забыть меня так просто, - прорычал морок. - Я - твоя часть. Я всегда буду в тебе и с тобой. Буду ждать здесь, когда станет трудно и страшно.

Она криво улыбнулась.

- А я и не хочу забывать. Но у тебя больше нет надо мной власти.

Огненное лезвие со свистом рассекло воздух и так же легко Андроса, разрубив наискось на две половины.

Выражение безмерного удивления и обиды еще успело промелькнуть на морде демона, а потом он осыпался с тихим шелестом, словно был слеплен из песка. От мучительного кошмара осталась только горка праха. Наама сплюнула на нее.

В дальнем конце камеры распахнулась дверь - сияющий прямоугольник белого света. Дорога домой. К уютному коттеджу в окружении цветущих яблонь. Путь назад. К сыну, совсем не

похожему на своего чудовищного отца, и мужчине, рядом с которым в душе воцаряется тепло и покой.

Наама туда вернется, обязательно вернется. Но сперва...

Она повернулась и в два шага пересекла снова съежившуюся до привычного размера камеру. Остановилась возле демоницы в цепях. Та испуганно отшатнулась.

- Не бойся, - ласково проговорила Наама, протягивая пленнице безоружную руку. Наама номер два обнюхала ладонь, а потом потерлась о нее закованной в чешую мордой.

- Покажи свои цепи.

Отверстия для ключа не было, как не было и замка. Эти оковы надевались не для того, чтобы их снимали.

- Не бойся, - повторила Наама, снова поднимая меч.

От соприкосновения цепи вспыхнули. И тут же стекли на пол камеры струйками раскаленного железа. Пленница взвизгнула и отскочила, потрясая, обожженными руками. В бирюзовых глазах застыли недоверчивость попалам с обидой: «За что?».

- Прости, - тихо сказала Наама.

Страшная всепоглощающая усталость бетонной плитой придавила к полу. Надо уходить. Здесь нельзя слишком долго...

Дверь в конце камеры с тихим скрипом начала закрываться, намекая, что ее время здесь вышло.

- Нет! Подождите!

Наама рванулась к прямоугольнику света, чувствуя, как дует в лицо и цепляется за одежду ветер. Пол, только что такой твердый, надежды, превратился в зыбучие пески. Раскисшей хлябью поддавался под ногами, норвил заглотить.

Быстрее, быстрее. Она и так слишком долго пробыла в царстве морока, на границе мира живых и мертвых!

Вспыхнул клинок в руке, рассыпался белыми искрами, сгорая дотла. Чужая кипучая сила побежала по телу. Наама сделала ещё несколько шагов, ухватилась за ручку закрывающейся двери, дернула на себя и нырнула в ослепительную бесконечную белизну.

ГЛАВА 8

Первое, что она услышала после пробуждения, было тиканье часов. Стрелки ползли по циферблату, неумолимо отщелкивая секунды. В тишине механический звук слышался особенно отчетливо.

Наама открыла глаза.

Она лежала все там же, в гостевой комнате. За окном стояли густые сумерки, руны на стенах не переливались радугой, а еле заметно светились. И сама комната была пуста. Только на стуле у изголовья, сжимая руку Наамы дремал Равендорф. Стоило ей пошевелиться, как мужчина дернулся и проснулся.

- С вами все в порядке? - голос его звучал напряженно и хрипло, а лица в темноте разглядеть не получалось.

- Кажется... - она неловко пошевелинулась и застонала. - Рука затекла.

- Думаю, это моя вина, - по голосу она поняла, что Торвальд улыбается и тоже улыбнулась в ответ, хоть он и не мог этого видеть. - Но я выполнил свое обещание. Не отпускал, несмотря ни на что...

Он оборвал сам себя на полуслове, но что-то заставило демоницу насторожиться.

- Что случилось во время операции?

- Да что могло случиться? - в его голосе прозвучало искреннее удивление. Слишком искреннее.

- Не врите мне, Торвальд.

Торвальд помедлил.

- Был момент, когда ваша аура потухла. Макконелл пять раз запускал стабилизирующий контур.

Наама тяжело выдохнула и с утроенной силой вцепилась в его пальцы. Казалось, что от руки ангелос в ее ладонь перетекает золотое тепло. Отчего-то снова вспомнился пламенный клинок из сна, который был не совсем сном.

- Помогло?

- Как видите. Никогда не чувствовал себя настолько бесполезным. Все, что я мог - это держать вас за руку. Уже боялся, что потерял вас, - его голос зазвучал тихо и грустно.

- Не такая уж большая потеря, - попытка пошутить вышла жалкой, но нужно было что-то сказать, иначе Наама просто боялась расплакаться.

- Огромная, - серьезно возразил он. - Не думаю, что кто-то или что-то способно возместить ее.

- Прекратите, или я разревусь!

В ауре ангелос заплясали знакомые колючие смешинки. Только сейчас они еще почему-то казались сладкими, словно "взрывная" карамель из пакетика.

- Вы просто провоцируете меня продолжать, ди Вине.

- Так хочется посмотреть на плачущую женщину?

- Нет. Но мне понравилось утешать вас в прошлый раз.

Слова всколыхнули память о "прошлом разе", и Наама вдруг отчаянно захотелось снова ощутить себя в сильных надежных объятиях, вдохнуть горьковатый запах парфюма, а может даже запустить ладонь в выбеленные солнцем пряди или провести пальцем вдоль тонкой ниточки шрама на его щеке.

Она помотала головой, приходя в себя. И порадовалась, что темно и Торвальд не может видеть ее лица.

Нужно спросить. О том, ради чего все это было затеяно. Один вопрос – самый простой и самый главный. Но страшно... как же страшно!

- А... - Наама уже открыла рот, но спросила совсем другое, - где остальные? Макконелл и... и все?

- Эндрию на кухне, пьет чай. Ассистента он отпустил, помощь больше не требуется, - он встал. - Я позову его.

Стоило Торвальду выпустить ее руку, как стало холодно. Очень холодно и как-то... пусто? Да, пусто. Демоница еле сдержалась, чтобы не вцепиться в него, умоляя остаться.

Не вцепилась. Удержалась. Лежала, слушая, как он подходит к двери. Скрипнула створка, на пол упал косой прямоугольник, заставляя снова вспомнить безумное видение.

- Включить вам свет? Или хотите побыть в сумерках?

- Включите, - выдавила она. Остаться одной в расчерченной рунами и магическими фигурами темноте было жутковато.

Вспыхнул шар под потолком, Наама щурясь села на постели и попробовала взглядеться в себя. Туда, где по ее воспоминаниям, раньше пряталась сила. Темный росток в душе, основа основ, тень, присущая с рождения любому демону.

Демоны черпают силу в страстях и неутоленных желаниях. В боли, гневе, ненависти и сжигающей дотла жажде обладания. Демоническая сущность Наамы никогда не была сильной. Слишком счастливую и безмятежную жизнь вела маленькая принцесса ди Вине. У нее было все. А если чего и не было, стоило только пожелать.

А потом она лишилась всего, обретя взамен боль, гнев и ненависть. Вот только темная половина души, которая росла бы от этих чувств, уже была отсечена к тому времени...

А что сейчас? Где та вторая Наама из сна? Почему ее не слышно?

Нет, что-то все же изменилось: Наама снова ощущала в душе потайную дверь – врата, ведущие в клубящуюся тьму. Но воззвать к своей истинной сущности не получалось, сколько ни старайся. Демоница попробовала сотворить заклинание – огонек на раскрытой ладони – мелочь, безделица. Снова и снова раскрывала руку, тянулась к темной сути, но та ускользала в последний момент. Не желала больше служить хозяйке.

Все напрасно. Риск, отчаянное решение, сражение с кошмарным мороком. Расколотую чашу не склеить, ничто не в силах сделать ее прежней.

Слезы потекли сами собой. Без всхлипываний, подвываний. Без всего, что обычно сопровождает женские истерики.

- Наама! - как во сне услышала она встревоженный голос Торвальда. А в следующее мгновение анхелос опустился на кровать рядом и обнял ее.

Душу окутало тепло, сладкий огонь побежал по венам, не обжигая, только согревая и насыщая. Горьковатый запах парфюма, сильное плечо, в которое можно уткнуться, руки, обнимающие так бережно и нежно. И тепло – не украденное, не вырванное силой, отданное добровольно, в дар.

...Она годами блуждала по вымерзшей ледяной пустыне и вот, наконец, встретила дом. Потрескивают дрова в камине, воздух пахнет корицей, имбирем и свежей выпечкой, а морозные узоры на стеклах только добавляют уюта...

- Что случилось? - спросил Торвальд, прижимая ее к себе.

- Ничего не вышло. Магия... ее нет, - странно, но сейчас, в его объятиях эта мысль не вызвала такой нестерпимой всеобъемлющей скорби и боли.

В ответ на эти слова в душе что-то шевельнулось. Там, на другом конце темного туннеля, в глубинах подсознания вторая Наама – неистовая, когтистая и крылатая – откликнулась. Совсем тихо, робко и неуверенно, но все же...

- Так, Тор. Прекрати тискать пациентку и дай мне ее осмотреть, - слышался недовольный голос Макконелла.

Торвальд неохотно разжал руки, поднялся с кровати, чтобы уступить место оборотню.

- Подожди! - Наама попыталась задержать его, но анхелос только успокаивающе погладил ее по голове.

- Все хорошо. Дадим Эндрю сделать его работу. Я буду рядом.

Вернулись пустота и холод. Только сейчас Наама поняла, что годы жила с ними. Жила и не замечала, как не замечает рыба воду вокруг себя.

А та вторая Наама опять замолчала. Словно и не было ее.

- Так-с, посмотрим, - объявил Макконелл, растирая руки.

Осмотр походил на тот, что оборотень устроил ей неделю назад. Снова осторожные пассы вдоль тела, снова странный прибор, похожий на громоздкие очки.

- Попробуйте обратиться к силе. Что-нибудь простое.

Она попыталась сотворить иллюзорный шарик. Мелочь, с которой справляются даже дети.

- Не могу, - после получаса бесплодных попыток признала Наама. Опять захотелось расплакаться.

- Странно, - резюмировал оборотень. Канал есть, но он неактивен. Мне надо подумать.

Он сел в кресло, достал постограф, бумаги и углубился в расчеты. Наама вместо того, чтобы вернуться в кровать прильнула к Торвальду. Почти бездумно, как ребенок тянется к родителю, когда плохо и страшно.

Мгновенно вернулись тепло, покой. Забытое ощущение счастья из детства, ожидание праздника. И врата, ведущие на темную половину души, приоткрылись.

- Я ее чувствую, - тихо сказала Наама.

- Что? - Макконелл оторвался от бумаг и вопросительно уставился на демоницу.

- Магия. Сейчас чувствую.

Она подняла перед собой раскрытую ладонь и обратилась к своему дару. Ну же. Давай!

Пальцы откликнулись легким покалыванием, а потом на ладони вспыхнул и погас иллюзорный светлячок. Всего лишь мгновение, краткое мгновение. Но он был!

- Очень интересно, - Макконелл вскочил. - Тор, ну-ка отпусти ее!

Наама вздрогнула.

- Не надо.

- Надо, - возразил оборотень. - Так, еще раз: то же самое заклинание.

Ничего. Пустота. Замерзшая ледяная пустыня без края, тяжелая каменная дверь - стучи, не стучи никто не открывает.

- Кажется, мы кое-что нащупали, - с неуместным воодушевлением воскликнул Макконелл. - Тор, ты видишь.

- Вижу, - он опустил руки Нааме на плечи, обнимая сзади. - Так теперь будет всегда?

- Вряд ли. Скорее, требуется время для восстановления. Пока канал слишком непрочен, нужна подпитка извне.

- Может кто-нибудь объяснит мне, наконец, о чем речь? - одна Богиня ведает каких сил ей стоило произнести это спокойно и ровно.

- Извольте, - охотно откликнулся оборотень.

Объяснял он долго и путанно, с применением специальных терминов, но Наама слушала, не перебивая.

Эмоции – пища для темной половины души любого демона. Источник силы, источник магии. Обычно демоны питались грязью человеческих душ – страхом, гневом, отчаянием, ненавистью. В людях слишком мало света, чтобы насытить демона, зато предостаточно злости и боли.

То ли дело анхелос. Для обычного демона их чувства – редкий и вкусный деликатес. Для искалеченной сущности Наамы забота и тревога Торвальда становились целительным бальзамом. Питали оголодавшую половину души, дарили силы творить магию.

– Это вроде теплого бульона для больного, понимаете?

Удивительно, но она приняла это сразу. Наверное, подсознательно уже подозревала что-то подобное.

– Значит, я уже никогда не смогу без анхелос...

Оборотень замахал руками.

– Сможете. Но для восстановления требуется время. Вам нужно укрепить канал. Вспомнить, как это было раньше. И, боюсь, без Торвальда или другого анхелос вы не сможете сделать это.

– Как долго?

– Месяц. Может два-три. Может, дольше.

– Полгода, – саркастично спросила Наама. – Или год?

– Может и год. Я не знаю. Никто не делал подобного раньше.

– Слишком много “может быть”.

– А вы чего хотели? – с неожиданным возмущением спросил Макконелл. – Это не то же самое, что смазать царапину. Если бы вам отрезали, а через тридцать лет пришили ноги, вы бы тоже возмущались, что много времени на восстановление уходит?

Наама отвела взгляд.

– И да – я настоятельно рекомендую постоянный тактильный контакт. Просто присутствия в одной комнате недостаточно.

Демоница поникла. Дни и ночи проводить в обнимку? Да ни один анхелос не согласится на подобное!

– В идеале, конечно, хорошо бы еще и добавить к лечебным процедурам секс, – оборотень цинично ухмыльнулся.

– Что? – она вспыхнула и стиснула кулаки, испытывая неодолимое желание заехать по довольной физиономии. – Да как вы смеете?!

– А что такого? – он вскинул брови в преувеличенном изумлении. – Насколько я помню, для вашей расы это лучший способ питания истинного облика.

Для остальных – да. У демонов особое отношение к сексу. В чем-то куда более простое, чем у прочих рас. Соитие не близость, лишь средство присвоить чужую силу. Или средство утвердить свою власть, если речь идет о равных.

Но для Наамы долгие тридцать лет секс был источником унижений. Всякий раз, когда Андрос брал ее, она ощущала себя испачканной, опозоренной и никчемной. Не способной защитить себя, даже не способной сопротивляться похоти.

– Эндрю! – раздался в тишине очень холодный и спокойный голос Торвальда. – Прекрати!

– Да ладно тебе...

Накатило бессилие и усталость. Хватит. Кто сказал, что она обязана стоять здесь и выслушивать все это? Наама вывернулась из объятий (снова кольнуло одиночеством и холодом, но в этот раз она была готова к подобному). Сердито тряхнула головой и вышла,

хлопнув на прощание дверью так громко, что содрогнулись стены.

Торвальд поднялся в ее комнату спустя полчаса. Осторожно постучал в дверь.

- Наама!

В груди заняло от тоски. Травмированная, большая часть души умоляла встать, открыть дверь, прильнуть к мужчине. Холодно... так холодно - весь мир ледяная пустыня. А там, за дверью тепло и покой...

- Наама, откройте пожалуйста. Нам надо поговорить.

Она вздохнула, выбираясь из-под одеяла. Надо. Даже если Торвальд не войдет, она не сможет всю жизнь прятаться от него.

- Входите, не заперто.

Он прошел через комнату и сел в кресло, подчеркнуто держась на расстоянии от нее. Отчего-то стало обидно.

- Макконелл ушел?

- Да, - полковник побарабанил пальцами по подлокотнику. - Я понимаю, как это должно было звучать, но Эндрю не ставил целью оскорбить вас, поверьте.

- Верю, - демоница скривила губы в горькой усмешке. - Правдой нельзя оскорбить. Мне просто трудно было принять ее. Пройти через это и узнать, что все напрасно...

- Почему напрасно?

- А кто из анхелос согласится месяцами сидеть рядом, держа меня за руку. Вы?!

- Я.

- Что?! - она уставилась на него с недоверчивым изумлением. - Вы в своем уме, Торвальд?

- Более чем.

- У вас работа и...

- Возьму отпуск, - он усмехнулся. - Придется иногда появляться в академии, раз в неделю на пару часов. Но в остальном я в вашем распоряжении.

- И вас отпустят?

- Куда они денутся? Я уже связался с лордом-протектором и получил предварительное согласие. Так что дело за вами, Наама. Насильно навязывать слишком тесный контакт не стану.

Сумасшедший! Готов отказаться от работы, планов, чтобы сидеть с женщиной, которой он ничего не должен. Которая все эти три недели то шипела на него, то шарахалась, как от огня. Которую сам обвинил в двойных стандартах.

Но Богиня... как приятна эта ненавязчивая забота.

- Для чего вам это?

Торвальд пожал плечами.

- Мне так хочется. Так что скажите, Наама?

Дело действительно за ней. Только в ее власти принять или не принять предложенную помощь.

Наама медленно встала. Шагнула ему навстречу - неуверенно, осторожно. словно шла по тонкому льду.

- Я не в том положении, чтобы отказываться, - она опустила на подлокотник кресла и

взяла Торвальда за руку. Снова захлестнула эйфория, слегка закололо пальцы. Он выдохнул, словно с облегчением, и обнял ее второй рукой за талию. - Когда-нибудь я верну вам и этот долг.

- Разумеется.

- И я не собираюсь спать с вами, так и знайте!

Его аура вспыхнула искрящимися смешинками.

- Думаю, это переживу.

ГЛАВА 9

В первый вечер еще было неловко, когда Торвальд привел ее в свою спальню с таким видом, словно ничего особенного не происходит. Наама покосилась на постель, сглотнула и перевела взгляд на мужчину.

- Я не буду с вами спать!

- Вы не будете со мной заниматься сексом, - со смешком ответил он, расстегивая пуговицу на рубашке свободной рукой. - А спать мы будем вместе, как и положено по назначению врача. И, кстати, я буду благодарен, если вы все-таки разожмете пальцы - мне надо в ванную.

И скрылся за дверью.

Вернулся уже в пижамных штанах, вытирая влажный торс полотенцем. Наама покосилась на него и сглотнула ставшую вдруг слишком вязкой слюну. Она предполагала, что Торвальд хорош, но даже представить не могла, что настолько. Эти мощные руки, широкие плечи в капельках воды, подтянутый живот с рельефом мышц вдруг пробудили в ней совершенно неуместные желания. Захотелось коснуться шрама на груди, провести вдоль него языком... Стянуть с полковника штаны, увидеть его полностью обнаженным. Она отчего-то не сомневалась, что зрелище ей понравится.

- Ванная свободна, - насмешливый голос вырвал ее из упоительных эротических мечтаний. Наама вспыхнула, смущаясь собственных мыслей. Это все воздержание. Тело привыкло к сексу, а у нее почти месяц, как не было мужчины!

Она устроила себе разрядку прямо в его ванной. А когда вышла и поймала его веселый взгляд, вдруг почувствовала обжигающий стыд. Словно он догадывался, чем она там занималась. И словно в этом было что-то неприличное.

А, возможно, стыдно было от того, что лаская себя под душем Наама представляла его. Торвальда Равендорфа, лишенного костюма и привычной брони из иронии и безукоризненной вежливости. Мокрого в струях воды, тискающего ее тело, входящего яростно, мощно, глубоко...

Фантазии - это просто фантазии. Не Андроса же представлять.

Она подсушила полотенцем влажные волосы и нырнула под одеяло. Нашла его руку, сжала. Все, можно спать.

Но коварный анхелос этим не ограничился. Притянул ее к себе, заставляя положить голову ему на плечо. Погладил по голове, и Наама почувствовала, как пряди сами собой высыхают.

- Не люблю мокрые подушки, - пояснил он в ответ на ее вопросительный взгляд. - Спите, Наама.

И она уснула.

Пробуждение было приятным. Мужские руки обнимали сзади, бережно и нежно прижимая к телу. Затылком Наама чувствовала теплое дыхание, а все тело переполняла кипучая энергия, и потрясающее ощущение силы. Она уже и забыла, когда в последний раз ей было так хорошо.

Одна проблема - снова нестерпимо хотелось секса. Словно и не было вечернего торопливого акта самоудовлетворения в душе. И хотелось не абы с кем угодно, а вот с этим конкретным мужчиной, который спал рядом, не догадываясь о терзающих ее порочных желаниях.

Интересно, если она сама предложит, он будет против? Скорее всего нет. Как там сказал Равендорф вчера? "Лечебные процедуры", да? В конце концов они оба взрослые люди... То есть не люди, но это не важно. Оба взрослые, не имеют обязательств и вправе проводить время так, как сами пожелают.

Наама стиснула зубы, закрыла глаза и напомнила себе, что Торвальд убил ее отца. Разве можно отдаться ему после такого?

Увалл ди Вине - высокий, темноволосый, царственно-властный и резкий в движениях. Харизматичный и мудрый правитель, великодушный к соратникам и безжалостный к врагам.

Не зря так много других кланов увидели в нем своего вождя, не зря выступили за ним против правящей династии.

Он обожал свою младшую дочь. Окружал заботой, дорогими и красивыми вещами, баловал и берег. У нее было все. Деньги, развлечения, изысканные вещи, красивые рабы, опасливое уважение черни и знати. Весь мир лежал у ног маленькой принцессы ди Вине.

А этот спящий рядом мужчина лишил ее всего. Так неужели можно простить его за это?! Она должна ненавидеть его и желать смерти!

Ненависти не было. Слишком давно умер отец, Наама оплакала его годы назад. И слишком много боли принесла ей отцовская жажда власти. Увалл заигрался, и проиграл. Если не полковник Равендорф, то кто-то другой нанес бы решающий удар.

Вместо ненависти она ощутила в себе благодарность. Тепло, доверие. И желание. Снова замелькали перед глазами вчерашние фантазии. Наама представила себя у стены в ванной. Обнаженной, с широко расставленными ногами. Щекой ощутила гладкий кафель в струйках воды. Мощное тело мужчины сзади, член, входящий в бесстыдно раскрытое влажное лоно. Руки, сжимающие и тискающие ее грудь.

Да-да. Вот эти самые руки, которые сейчас смыкаются на ее талии. Крупные, с длинными пальцами и ухоженными коротко остриженными ногтями. Жаль, что полковник даже во сне остается джентельменом. Она бы не возражала, опусти он ладонь ниже...

“Это просто побочное действие ритуала, - пришла неприятная, но отрезвляющая мысль. - Мне нужна энергия анхелос, самый простой способ получить ее вдоволь - через секс”.

Искусственное вожделение. Навязанное, не принадлежащее ей.

Андрос колол наркотик, чтобы внушить что-то подобное. Полковнику даже этого делать не пришлось.

Демоница до крови закусил губу и попыталась вырваться. Торвальд пробормотал во сне что-то успокаивающее и притянул ее ближе к себе. Зар-раза!

Нет. Достаточно, хватит быть рабой собственных желаний. Она же не животное, в конце концов. Демоница - дочь высшей расы. Сила вернется и так, для этого не обязательно делать то, о чем потом будешь вспоминать со стыдом и отвращением к себе.

Надо только потерпеть, не поддаваться соблазну, пока тот силен. Чем дальше, тем меньше ей будет хотеться. Ну а пока... пока у нее есть душ и грязные возбуждающие фантазии.

Она решительно выскользнула из объятий и направилась к двери в ванную.

Легко сказать: “Потерпи”. Куда сложнее сделать это. Особенно, когда мужчина, которого ты хочешь до зуда, постоянно рядом. Когда чувствуешь его прикосновения, тепло уверенных сильных рук, слышишь чуть насмешливый резкий голос. Когда взгляд словно сам собой останавливается и замирает на коротких и белых, словно выгоревших на солнце, волосах, ниточке шрама на щеке, широких плечах.

А ресницы у него темные. Глаза серые, с карими искорками. И губы всегда сложены в еле уловимую ироничную улыбку.

Рядом с ним спокойно, легко и потрясающе интересно.

- Не будем терять время понапрасну, - объявил он в первый же день своего добровольного заточения рядом с ней. Сразу после завтрака. - Освежим ваши знания в области магии.

- Но...

- Что, у вас есть идеи получше, как провести день? Нет? Так я и думал. Тогда в подвал!

- Почему в подвал?

В подвале располагалась лаборатория. И маленькая комнатка для отработки чар, экранированная не хуже иных испытательных полигонов.

- Я, конечно, теоретик, - пояснил Торвальд. - Но некоторые выкладки требуют проверки на практике. Итак, начнем с основ. Расскажите все, что вы помните о малых иллюзорных преобразованиях.

Наама снова почувствовала себя маленькой девочкой перед нанятым отцом учителем. Правда Торвальда не хотелось изводить, как старика Кэлахью. Да и вряд ли получилось бы.

- Посредственно, - объявил он после четырехчасового допроса, от которого у нее разболелась голова.

- Посредственно? - демоница оскорбленно зашипела в ответ.

- Но лучше, чем я ожидал. Думаю, мы начнем с самых основ. Попробуем совместить теорию с практикой. Если устанете - скажите.

Она уставала. От теории просто голова становилась тяжелой и гулкой, а вот практика выматывала так, что Наама чуть в обморок не падала. Но останавливаться не желала. Делала перерыв, когда чувствовала, что вот-вот сомлеет. Поднималась на кухню, варила в турке обжигающе-горячий и горький кофе, пила его маленькими глотками и снова тянула Торвальда в подвал.

Впрочем, полковник всегда чувствовал, когда его строптивая и слишком самостоятельная ученица подходила к границам своих возможностей, и уводил Нааму, не слушая возражений. Однажды, когда она заартачилась и пожелала остаться без него, просто перекинул через плечо и унес. И дверь запер, гад!

- Вы так перенапряжетесь и получите магическое истощение, - непререкаемым тоном заявил он в ответ на ее возмущенный взгляд. - А я не желаю сидеть у вашей постели годами.

Учителем Торвальд оказался замечательным. Про таких говорят "отмечен Богой". Умел спокойно и доходчиво по десять раз объяснять одни и те же вещи, не срываясь на крик. Подбодрить, когда что-то не получалось. Всегда отмечал успехи, философски относился к неудачам.

- Ничего страшного, всегда можно попробовать еще раз.

Странно, но близость анхелос, ежедневные разговоры, постоянный физический контакт несколько не тяготили. А ведь в той, прежней свободной жизни Наама даже постель с любовниками делила только во время секса и заснуть не могла, если рядом сопел или (о, ужас!) храпел кто-то чужой.

Рядом с этим мужчиной она засыпала сном младенца, доверчиво положив голову на плечо. Не смущаясь обнимала его, прижималась всем телом, впитывая крохи целительного тепла.

Изголодавшаяся по силе, она чувствовала себя чуть-чуть пьяной рядом с Торвальдом. С ним все было иначе, совсем не так, как с ее человеческими любовниками. У них приходилось вырывать, выдирать желаемое силой. Проводить по тонкой грани между возбуждением и страхом, чтобы добиться хоть какого-то отклика. А стоило взять чуть больше, как люди выгорали, теряли возможность чувствовать хоть что-то. Анхелос делился щедро и так же естественно, как дышал.

- Неужели вас совсем не беспокоит, что я постоянно тяну вашу силу? Как клещ какой-нибудь.

- Клещ? Ну и сравнение. Сами придумали?

- Да. Вы не ответили на вопрос.

- Не волнуйтесь, - ему очень шла такая улыбка. Не насмешливая, а теплая и немного грустная. - Вы не берете ничего сверх того, что я готов отдать.

Объятия, касания рук. Запах его волос и кожи - возбуждающий, одуряющий и какой-то очень мужской, он пробивался сквозь аромат парфюма, оседал на одежде. Наама казалось, что она пропиталась им вся. И вечерние сцены выхода из душа, действовавшие на нее, как валерьянка на кошку. Разрядка, которую дважды в день устраивала себе демоница совершенно не спасала. Наверное потому, что в ее фантазиях тоже был Торвальд.

Где тут взять достаточно сил для сопротивления, когда день и ночь проводишь в объятиях с героем своих грязных фантазий? Когда до полусмерти хочется его лизнуть, попробовать на

вкус кожу, которая так вкусно пахнет, запустить пальцы в выгоревшие пряди волос, ощутить на себе сладкую тяжесть мужского тела. Когда только что лаская себя в душе ты представляла его член. Наама чувствовала, что становится почти одержимой своим покровителем. И уже не спасали ни воспоминания об Андросе, ни понимание, что потом, когда ее темная сущность окрепнет, она очень пожалеет, что поддалась соблазну.

Как знать: может и не пожалеет?

И что хуже всего: Торвальд тоже ее хотел.

Она уловила это утром первого дня, когда, напевая, варила на кухне кофе. Торвальд подошел, встал за спиной. Откинул с ее плеча прядь волос, словно ненароком погладив шею. И вот тогда, с первым утренним прикосновением, подарившим ощущение заботы и тепла, Наама поняла, что желанна для него.

А может она поняла это еще раньше, засыпая в его объятиях.

Порой желание едва тлело. Когда он ставил ей руки для пассив. Или объяснял особенности того или иного преобразования – серьезный, весь сконцентрированный на задаче. Но потом занятие заканчивалось, они сидели на кухне и пили чай в обнимку, и Наама ощущала в спектре его эмоций огонек вождения, на который ее голодная сущность отзывалась блудливым и жадным: “Хочу!”.

Прояви он хоть немного настойчивости, и она бы не выдержала. Сдалась на милость победителя. Но проклятый анхелос всегда был сдержан и тошнотворно корректен. Даже называл ее до сих пор на “вы”, подчеркивая незримую дистанцию между ними.

Какая дистанция, когда они уже неделю спят в одной постели? Жаль, что только спят. Разве доктор не прописал Наааме целебный секс с анхелос? С этим конкретным невыносимым саркастичным, заботливым, замечательным анхелос, который ведет себя, как полный и совершенный идиот. Другой давно бы попытался нарушить выстроенные Наамой рамки, а этот чего ждет?

Ждет, когда она потеряет терпение и сама на него набросится, не иначе!

ГЛАВА 10

– Еще раз.

Наама вскинула и с усилием развела руки. Меж ладоней повисла ветвящаяся дуга электрического разряда. Воздух в комнате затрещал и запах озоном.

– Хорошо. Выпускайте.

Вместо того, чтобы полететь в стену молния вспыхнула и осыпалась искрами, больно ударив по рукам. Наама взвизгнула и запрыгала на месте, дуга на пальцы.

Опять. В двадцатый уже, наверное, раз. Если с мелкими бытовыми заклинаниями, которые требовалось не столько выучить, сколько вспомнить, дело шло неплохо, то боевая магия...

Больно-то как!

– Покажите руки.

Она протянула ладони, часто моргая, чтобы удержать слезы. А то еще чего доброго Торвальд решит, что взял слишком высокую планку и снова придется часами отрабатывать иллюзии. Бесплезные, зато безопасные.

Левая ладонь только покраснела, а вот на правой прямо на глазах вспухал некрасивый пузырь. Обожглась молнией. Вот ведь дура безрукая, это же еще уметь надо!

– Прекратите, – резко сказал Торвальд.

– Что прекратить?

– Ругать себя. Ждать немедленных результатов. Не прощать ошибок.

Демоница скривилась сквозь слезы.

- Что, не нравится, когда я отбираю вашу работу? - это прозвучало не шутливо, а зло. Наверное, из-за боли.

- Я никогда не упрекаю учеников за то, что у них что-то не получается. Только за недостаток старания, - он бережно взял пострадавшую ладонь. - Потерпите, сейчас будет больно.

Спросить почему будет больно она не успела. Руку словно обмакнули в кипаток. Наама не сдержала крика, дернулась, но полковник цепко держал ее за запястье.

А мгновением спустя боль ушла, забрав с собой и белесый пузырь на ладони.

- Простите, - он погладил пальцами то место, где мгновение раньше находился ожог. - Экспресс-излечение часто связано с болью. Профессиональный целитель сделал бы это аккуратнее.

- Интересно, есть область магии, в которой вы не разбираетесь? - задумчиво произнесла Наама. Торвальд так и не выпустил ее руку. И хорошо. Пусть держит так, как сейчас - бережно и нежно. Пусть поглаживает щекотно и безумно приятно.

А хватка у полковника стальная. На запястье, наверное, синяки останутся.

- Полно, - он усмехнулся. - Я по-настоящему хорош только в боевых заклинаниях и теормаге. Остальное знаю в лучшем случае по верхам. Ну что - сделаем перерыв?

Она упрямо мотнула головой.

- Нет! Давайте еще раз.

Завтра Торвальд с утра планировал уехать в Академию - скопились срочные вопросы, которые никак не получалось решить удаленно. Нужно освоить хотя бы основы заклинания сегодня. Тогда завтра Наама сможет тренироваться и сама, без него. Насколько хватит ничтожного пока магического резерва.

- Упорство не всегда достоинство. Особенно, когда оно превращается в упрямство.

- Вы обещали мне оружие. И хватит, Бездна вас побери, говорить афоризмами, словно вы какой-нибудь просветленный гуру-отшельник. Вам не идет эта роль.

Мужчина рассмеялся, и до Наамы докатилось теплое восхищение. Вот ведь чудак. Другой бы обиделся, а ему нравится, когда она режет правду в глаза, не стесняясь.

- Вы правы, я иногда слишком увлекаюсь ролью наставника. Ну хорошо - давайте ещё раз. Только теперь под моим контролем, - он встал за ее спиной, взял за запястья, мимоходом погладив нежную кожу. - Вот так.

Голос полковника вдруг зазвучал хрипло. И аура полыхнула яркой вспышкой желания. Уравновешенного и требовательного учителя сменил мужчина. Мужчина, который видел в Нааме женщину и отчаянно хотел ее.

Демоница чуть откинулась назад, положила голову ему на плечо. Потоки силы и распределяющие кривые вылетели из головы, зато вспомнилось, как Торвальд выходил из ванной прошлым вечером. Капли воды, ползущие вниз по мощной груди - ей ужасно хотелось слизнуть их. И гладкое горячее плечо под щекой.

- ...распределяйте силу равномерно, не дергайте слишком резко... - полковник что-то говорил и говорил. Она почти не слышала, впитывая сигналы его тела. Чужое дыхание чуть щекотало ухо, пальцы почти неосознанно поглаживали и ласкали запястье. Где-то меж тесно стиснутых бедер откликнулось тоскливое сосущее вожелание. Наама выдохнула сквозь зубы и прижалась плотнее к стоящему за спиной мужчине. Богиня, да сколько можно так издеваться над собой?! Пора признать: она проиграла эту битву со своей похотью. Она хочет Торвальда - здесь, сейчас. Даже если это безмерно все усложнит в будущем.

- ...и вот... - он потерял мысль и осекся. Выпустил ее руки, и они безвольно повисли двумя ветвями ивы. А потом обнял за талию, прижимая к себе. Сперва осторожно, словно спрашивая разрешения. А потом крепко. Очень крепко. Спиной и ягодицами Наама вжалась в тренированное мужское тело и, не выдержав, тихонько застонала. Торвальд склонился над призывно изогнутой шеей, лаская дыханием кожу.

- Наама! - хриплый, немного растерянный голос над ухом.

- Хватит разговоров и поцелуй меня уже!

Ему словно не хватало этой малости. Слов, разрешающих пойти дальше. Шею опалил поцелуй, потом еще один. Рука скользнула с талии вверх, стиснула грудь поверх платья - жадно, требовательно и не особо церемонно. Так, как ей и хотелось сейчас.

- Да, - простонала Наама. - Еще. Жестче!

Никаких нежностей и сюсюканий. Она слишком долго этого хотела и ждала. С того самого вечера, когда полковник раздел ее и подверг возбуждающему осмотру.

Он уловил это желание, а может и сам испытывал что-то подобное. Развернул, толкнув к стене, и впился в губы грубоватым безумно заводящим поцелуем. Наама приоткрыла губы, выпуская его язык. И укусила, игриво пустив в ход зубы.

Одной рукой Торвальд задрал ей юбку, чтобы мять и тискать ягодицы сквозь тонкое кружево трусиков. Другой пытался справиться с застежкой на платье.

Она бы ему помогла, если бы сама не была занята войной с одеждой. Пиджак, рубашка, подтяжки эти... Зачем так много всего? Как бы это все побыстрее расстегнуть?

А, можно и не расстегивать. Наама запустила ладони под ткань, обняла своего мужчину, лаская и царапая коготками кожу на спине. Вжималась в его тело, чувствовала под слоем разделявшей их одежды его возбуждение и уже не хотела ни ласк, ни предварительных игр. Только, чтобы он вошел в ее тело и утолил жаркий голод. Чужое желание смешивалось с ее собственным. Ныли соски, требовательно пульсировало внизу живота и безумно хотелось ощутить в себе крепкий мощный член.

- Возьми меня! - всхлипнула она, когда он на мгновение оторвался от ее губ. - Сейчас!

Эта просьба сорвала последнюю преграду на пути его сдержанности. Наама закрыла глаза, чувствуя, как растворяется в страсти, уже не в силах различить чужое и свое. Ощущая чужое яростное нетерпение, желание, плотской голод, как свой собственный. Разорванные трусики упали на пол влажным комочком. Торвальд подхватил ее за ягодицы и ворвался одним мощным толчком на всю длину.

- Да-а-а, - простонала она, распахнув глаза. Богиня, как же хорошо. Он такой огромный!

Выбранная поза не давала возможности двигаться. Демоница обвила шею любовника руками, охватила ногами, стараясь слиться с ним полностью, отдаться до конца. Торопливые и сильные движения возносили ее все ближе к вершине наслаждения, а чужие эмоции вспыхивали перед глазами фейерверком разноцветных вспышек. Да. Так. Хорошо. Не. Останов-ли-вай-ся!

Низ живота скрутило сладостной судорогой. Наама безвольно обвисла в мужских руках, тихонько постанывая всякий раз, когда он входил в нее глубоко и резко. От этих движений по телу снова и снова прокатывались упоительные волны экстаза, продлевая наслаждение.

Еще несколько толчков, и ее снова накрыло оргазмом, на этот раз чужим. Торвальд остановился, уткнувшись лбом в стену и тяжело дыша. Перед глазами маячила белая полоска шеи в вороте рубахи и тонкая струйка пота, стекавшая вниз по коже. Наама не удержалась и слизнула ее языком.

Соленый. И вкусный.

Мужчина тяжело выдохнул и выпустил ее из рук, помогая встать на ноги. Теперь, когда вождделение схлынуло, Наама уловила его растерянность, отчего-то приправленную чувством вины.

- Я, - его голос звучал очень хрипло, - не знаю, что сказать. С вами все в порядке?

Демоница закатила глаза, а потом расхохоталась. Безудержно и искренне, до слез. Так, что когда Торвальд чуть ослабил объятия, сползла по стенке на пол - все равно сил стоять не было.

- Наама?! - он наклонился и встряхнул ее за плечи. Наверное, решил, что смех это признак истерики. Чувство вины в ауре усилилось, к нему добавилась тревога.

Нет, надо прекращать это. Не то беднягу еще хватит удар от волнения.

- Торвальд, ты неподражаем, - икая и утирая слезы от смеха проговорила демоница. - Нет, со мной не все в порядке, со мной все отлично!

Она встала, опираясь на его руку и потянула мужчину к лестнице.

- Но, думаю, на сегодня мы с магией покончили. Во-первых, мне надо в душ, во-вторых, я хочу продолжить то, что мы начали, но уже в постели. И ради всех святых, ну называй меня на "ты"!

Они продолжили уже в ванной. В той самой, где Наама столько раз представляла себя в его объятиях. Бьющие сверху струи горячей воды и поцелуи - тоже горячие, сладкие. Руки в мыле, скользкие по ее телу, мокрое и мускулистое тело рядом.

Без одежды Торвальд оказался даже лучше, чем она представляла. Просто ожившая мечта одинокой женщины. Не сладкий мальчик вроде тех, которых она покупала раньше в агентстве эскорт-услуг. Взрослый мужчина. Сильный, поджарый, мощный - без одежды и тонкого налета цивилизованного лоска он казался опасным, но это только добавляло ему сексуальности. Должно быть потому, что Наама знала - он не применит силу против нее. Никогда.

Ушли сомнения и глупые страхи. Помогая Торвальду избавиться от одежды она, как никогда раньше, была уверена в том, что делает.

На этот раз все было медленно, вдумчиво. Они не тискали друг друга жадно, в желании скорее слиться, скорее изучали. Поцелуи полные не только страсти, но и нежности. Прикосновения - осторожные, словно вопрошающие: "Можно?".

Можно. Тебе все можно, мой чудесный, непостижимый, восхитительный мужчина.

Совместное мытье как-то само собой переросло в нечто большее. И вот уже Наама балансировала на одной ноге у дальней стены, вцепившись в полочку, чтобы не упасть, и тихонько всхлипывала и вскрикивала, пока умелый язык ласкал самую чувствительную точку ее тела. Струи душа разбивались о ее тело, капли оседали на волосах коленопреклоненного мужчины. Коротких, выгоревших на солнце волосах, в которые так приятно вцепляться, выпрашивая, а может требуя ласки.

И был скользкий кафель под щекой, совсем как в ее фантазиях. Упоительное ощущение наполненности, мощные толчки, крики и стоны, отразившиеся от плитки звонким эхом.

- Мда... в постели точно будет удобнее, - заметил Торвальд, вынимая ее, совершенно ослотившую после четвертого подряд оргазма из ванной и растирая полотенцем. - Все время мы какие-то неправильные места выбираем.

В постели действительно оказалось удобнее, хотя бы потому что ноги не скользили и не требовалось любой ценой сохранять равновесие. Можно просто лежать и кайфовать, ощущая на себе приятную тяжесть мужского тела. Прижиматься к нему, двигаться навстречу. Или ласкать его - изучать, пробовать на вкус, запоминать расположения шрамов на сильном теле.

Шрамы - это, оказывается, потрясающе сексуально.

- Признайся: ты хотел этого с самого первого вечера? - спросила она с подначкой, потягиваясь словно кошка и ощущая во всем теле восхитительную сытую удовлетворенность. Богиня, последний раз ей так хорошо было... никогда. Никогда и не с кем.

- Хотел, - он задумчиво провел пальцем по ее нижней губе. Наама прикусила его, игриво лизнула, намекая на возможное продолжение. - В тебе есть что-то такое... невозможно пройти мимо, нельзя не хотеть.

- И при этом за всю неделю, что мы спим в обнимку, даже ни разу даже не попытался меня соблазнить?

- Я же джентльмен.

Она расхохоталась.

- Ты чопорный сухарь и зануда!

- И это тоже, - легко согласился анхелос с ее оценкой. - Но главное: ты живешь в моем доме, и сама неоднократно повторяла, что чувствуешь себя обязанной. Действия с моей стороны могли бы выглядеть очень двусмысленными. Как будто я требую оплаты подобным образом. Не хотелось, чтобы ты меня не так поняла.

Наама насмешливо фыркнула.

- Думаешь мне не хватило бы наглости тебя послать?

- Решил не рисковать. Кстати, - тут в его глазах заплясали смешливые искры, - я очень рад, что наши желания совпали. До смерти надоело принимать душ по три раза в день. Я как-то не привык к таким объятиям без закономерного продолжения.

Демоница уткнулась в его плечо, всхлипывая от смеха. Нет, все-таки не зануда. Чем-чем, а здоровой самоиронией Торвальда Богиня не обидела.

- Никакого душа без меня! - категорично объявила она, усаживаясь на него сверху. - Что ты так смотришь?

- Ты красивая, - он усмехнулся и повторил свои же слова, сказанные чуть раньше. - Нельзя не хотеть.

Член, лежавший до того безжизненно, шевельнулся и снова начал наливать силой. Приятное и безоговорочное подтверждение его слов.

- Опять? - изумилась Наама. - Откуда у тебя силы берутся?

- Сам удивляюсь.

- Ладно, буду считать это комплиментом, - промурлыкала демоница, чуть царапая мускулистый торс. - Эй, нет! - она увернулась от его попытки опрокинуть и подмять ее. - Теперь я буду сверху!

- Я не против. Только, - тут он поморщился, - никаких плеток, наручников и прочих демонских штучек. Я это терпеть не могу.

- Хорошо, - с легким разочарованием согласилась она.

Жаль... Торвальд с его фигурой просто великолепно смотрелся бы связанным. Но нет, так нет. И без плеток с наручниками есть чем заняться.

Она приподнялась и медленно опустилась на возбужденную плоть, не сдержав восторженного стога. Ох, до чего же хорошо! Он такой большой. Как раз такой, как ей нравится.

Ощущать его в себе - наслаждение. Но не меньшее наслаждение - наблюдать за лицом мужчины, слышать прерывистое дыхание, ловить восхищенный ласкающий взгляд. Наама двинулась - намеренно неспешно, дразнясь, продлевая удовольствие. Скользила, насаживаясь на него сама - то глубоко и резко, то плавно и медленно, сжимая и расслабляя мышцы внутри. Мужчина под ней застонал и демоница торжествующе улыбнулась. Снова царапнула по груди - болезненно, почти до крови, а потом наклонилась, чтобылизать ранку.

Как же она скучала по этому! Праву самой контролировать, решать, повелевать в сексе.

Она задвигалась быстрее, яростнее и с удовольствием запустила ногти ему в плечи, желая пометить свою добычу. Торвальд еле заметно поморщился, а потом сделал неуправляемое движение вдруг оказался сверху. Перехватил инициативу, опрокинул ее на кровать, удерживая руки над головой.

- Не люблю, когда царапаются, - сообщил он, резко входя в ее тело. Наама прикрыла глаза и выгнулась навстречу. А так тоже хорошо, даже лучше.

- Да! Да! Еще! - восторженно стонала и вскрикивала она. И когда Торвальд выпустил ее запястья, обхватила его за плечи, вжимаясь сильнее. И да - не удержалась, снова вцепилась в плечи, оставляя кровавые полосы на коже. Такая спина, ну грех не поцарапать!

А потом мурлыкала илизывала ранки, оставленные ее ногтями, когда они оба осоловевшие, разморенные валялись на влажных простынях, не в силах еще раз дойти до ванной.

- Значит, - решила она продолжить рискованный разговор. - Ты уже пробовал с плетками и наручниками, раз точно знаешь, что тебе не нравится?

- Пробовал, - он пожал плечами. - Ощущал себя ужасно глупо. Не понимаю почему всех демонов тянет на подобное.

- Просто так принято. Кроме того, с людьми иначе не получается. Мало эмоций...

- Наслышан.

- А это... ну, с плетками и наручниками... Это было, когда ты был... - она не договорила, потому что слово "раб" применительно к Торвальду звучало несуразно и глупо.

- Нет, не тогда, - мужчина усмехнулся. - Ты плохо представляешь, как тогда выглядело рабство. К хозяйскому телу допускали избранных, большинство просто вкалывали в полях или заводах. Демоны чувствуют анхелос, думаю, если бы я попался на глаза какой-нибудь демонице, имел бы все шансы угодить в гарем и даже стать фаворитом. Но я знал о своей природе и делал все, чтобы не допустить подобной встречи. А Отис, к счастью, был гетеросексуален до последнего волоска.

- Тогда за что ты его убил?

Блаженное тепло сменилось стылмым холодом. Словно в разгар лета поднялась снежная вьюга.

- Если не хочешь, не говори, - поспешно добавила Наама, испугавшись, что все испортила своим дурацким вопросом.

Торвальд тяжело вздохнул.

- Это не секрет, при желании все можно найти в архивах. Отис ди Вине изнасиловал и убил мою жену.

Она охнула. И растерянно замолчала. Игривое настроение ушло как-то само собой. Торвальд был женат? Хотя... почему нет? Он вдвое ее старше и точно не жил отшельником эти годы.

Эта мысль ей не понравилась. В душе шевельнулось что-то подозрительно похожее на ревность.

Ревность? Даже смешно. Как будто они не временные любовники, которых свел случай. А уж ревновать к чужому прошлому - самое глупое, что только может быть.

А жену Торвальд, похоже, действительно любил. И потерял по вине одного из родичей Наамы.

- Я... прости...

- Это не твоя вина, - он сжал губы. Серые глаза потемнели, как небо перед грозой. - Ничья. Только одного ублюдка, возмнившего себя безнаказанным. Мелинда попала на глаза, он захотел и взял ее. А затем она сделала что-то, что привело его в ярость. Поэтому утолив похоть, он не отпустил ее, а избил до смерти и приказал выкинуть на дорогу, в грязь. Там я ее и нашел.

За этими простыми словами пряталось столько невысказанной жути, что Наама задрожала.

- Раба, поднявшего руку на хозяина, ждет смерть.

- Если его поймают. Я ушел в горы и жил там семь лет до начала войны.

- Трудно было?

- Терпимо.

- А я однажды сбежала от Андроса, - в порыве нежданной откровенности поделилась Наама. - Месяц пряталась в лесу, но он меня нашел.

Почему-то в ответ на эти слова в ауре Торвальда появился горький оттенок вины.

- Наама... - он замялся, словно не знал с чего начать тяжелый и неприятный разговор, а демоница вдруг поняла, что не желает продолжать. Не сегодня. Довольно рискованных

откровений и душевного стриптиза, ей хочется объятий, поцелуев, секса, вкусной еды и веселых шуток.

- Хватит о грустном, - объявила она, вскакивая с кровати. - Я хочу кофе. Тебе сварить?

- Сварить, - согласился анхелос, меряя ее обнаженное тело одобрительным взглядом. - Прямо в таком виде пойдешь варить?

- Нет, конечно! - она игриво подмигнула. - Я надена кружевной передник.

ГЛАВА 11

С Торвальдом было хорошо. Сказочно невозможно хорошо. Томные сладкие ночи: прикосновения, жадные поцелуи, стоны, вздохи, страсть и и щемящая нежность. Ленивые пробуждения: объятия, шутливые споры, теплота и нежность разделенные на двоих. Совместные купания, совместные завтраки, когда Наама в одном задорном кружевном передничке с пышным бантом на попе жарила яичницу, бросая из-за плеча дразнящие и призывные взгляды. Совместные занятия магией, на которых нежный и внимательный любовник преобразался в требовательного учителя. Вечера в обнимку с книгами в руках или за неспешной беседой. И снова полные вожделения и наслаждения ночи.

Игры в доминирование – обязательный пункт в сексуальном меню любого демона, но Наама вдруг поняла, что она переросла их, как вырастает девочка из старых платьев. Игры помогли тянуть из людей силу, Торвальд щедро делился и так. Игры помогли держать любовников на расстоянии, Торвальда хотелось подпустить как можно ближе.

Как назвать то, что происходило между ними, Наама не знала. Секс? О да, конечно! Великолепный, восхитительный, самый лучший секс.

А кроме секса еще очень много всего другого. Забота и поддержка. Нежность. Тепло рук и взглядов.

Всего пять дней, но демоница уже не понимала, как жила без этого раньше. И с ужасом думала, как будет жить дальше, когда придет пора расставаться.

Расставаться не хотелось до боли, но жизнь продолжалась, и Нааме требовалось найти в ней свое место. Но кем она может стать в мире, который так изменился, ушел вперед за тридцать лет?

– А кем бы ты хотела быть? – спросил Торвальд, когда она поделилась с ним своими сомнениями.

– Не знаю. Я ничего не умею.

Палец о палец за всю жизнь не ударила.

– Это не проблема, всегда можно научиться. Подумай, чего ты хочешь?

– Поздно...

Он фыркнул.

– Никогда не поздно. У тебя впереди не меньше двухсот лет, чтобы добиться всего, чего желаешь. Неужели не успеешь?

– Ну, если ставить вопрос таким образом... – Наама невольно улыбнулась.

Раньше мысли о будущем рождали в душе ощущение страха и бессилия. Она была никчемной, не приспособленной к обычной жизни. Нет даже высшего образования – так и не собралась поступить в академию, все хотелось погулять напоследок. Единственная наука, которую Наама освоила под руководством ди Небираса – дерзить, спорить и сопротивляться до последнего.

Но сейчас, в кольце сильных рук эти тревоги показались глупыми и надуманными. Всему можно научиться. Главное – знать, чего хочешь.

Ей ведь придется провести еще годы в бегах. Прятаться, жить по поддельным документам. Значит, и выбирать надо что-то неприметное, неброское.

– Нет, – Торвальду не понравились эти соображения. – Не будь практичной, спроси себя, чего ты хочешь.

Демоница постаралась припомнить дела, которыми ей нравилось заниматься. У нее хорошо получалось почти все, за что она не бралась. Танцы, магия, флирт... Наама неплохо рисовала и играла на арфе. А еще обладала безупречным вкусом и чувством стиля, все подруги и

знакомые обращались к ней, когда нужно было создать новый образ...

Мысль пришла мгновенно, словно давно уже жила в ее душе и только ждала, когда Наама соизволит обратить на нее внимания. Рисканная, дерзкая. Аж дух перехватило и что-то в груди отозвалось яростным, требовательным: "Хочу!"

- Ты только не смейся, - говорить, обнажая потаенные желания, было стыдно. Куда более стыдно, чем раздеваться в первый вечер.

- Я никогда не смеюсь над чужими мечтами.

- Я хотела бы свой дом моды! - выпалила Наама и отвела взгляд. Загорелись сперва щеки, а потом и уши.

Торвальд одобрительно кивнул.

- Хорошее желание.

- Но это же глупо!

- Почему? У тебя отличный вкус и фантазия.

- Я не смогу...

Но уже вспыхнувшая в душе мечта не желала угасать. Мысленно Наама прикинула, что потребуется. Для начала: образование швей-конструктора. Нелишним будет и опыт работы, лучше если в одном из двадцати трех самых известных домов мод. Посмотреть на процесс изнутри, изучить все подводные камни. Ох и трудно ей будет в подчинении, с ее-то характером! Еще нужен опыт руководства. Основные знания о бизнес-процессах, налогообложении. Возможно, Мэл сможет посоветовать какие-нибудь курсы...

Она вздрогнула и замотала головой, приходя в себя. О чем она? Какие курсы, какой бизнес? Бежать и прятаться - ее судьба на ближайшие годы. Ди Неброс никогда ее не отпустит. Нужно быть тихой. Незаметной. Затеряться, раствориться в человеческом море, сменить внешность.

- Сможешь, - его взгляд стал теплым, ласкающим. - Я в тебя верю.

Если бы дело было только в трудностях! Андрос и неизбежный отъезд висели над головой, подобно занесенному топору в жилище палача.

- Давай об этом позже. В другой раз.

Торвальд хотел возразить, но поймал ее взгляд и кивнул.

- Позже, так позже. Тогда, - тут он выразительно покосился на часы, - перерыв закончен. В подвал, обрабатывать малый защитный купол!

Наама перечитала сообщение на экране терминала, тяжело выдохнула и откинулась на спинку кресла. Ногти впились в подлокотник, оставляя лунки на полированном дереве.

Что же: она это заслужила. Сама отеклась от сына когда-то. Разве теперь она имеет право на место в его жизни и его сердце?

Не плакать. Только не плакать.

Еле слышно скрипнула дверь за спиной. Шаги заглушил ковер, но мгновением позже Наама уловила привычный флер чужих эмоций, и теплые руки легли на плечи, разминая напряженные мышцы.

- Торвальд... - пробормотала она, прижимаясь щекой к его руке.

Темная сущность восстанавливалась и требовала энергии. Та, вторая клыкастая и крылатая Наама, была похожа на ребенка. Жадная и голодная, готовая сожрать все вокруг подчистую, даже себе во вред, она просила и требовала близости с анжелос. Демоницу неодолимо тянуло к нему всегда, стоило им оказаться в одной комнате. Обнять, дотронуться, погрузиться в несущую исцеляющий свет ауру. У Торвальда такого не было, и быть не могло, но он тоже не упускал возможности прикоснуться к своей гостье и пациентке, даже когда его мысли были

далеки от секса. Ответственный.

Легче от этих мыслей не стало. Тяжесть лежала на сердце свинцовой глыбой. Наама почувствовала себя пьявкой, присосавшейся к этому мужчине. Он тратит на нее свое время, силы, деньги, а что она дает ему в ответ? Заслуживает ли хоть в малой степени его заботы, тепла, которым он делится так щедро?

И что будет, когда сила вернется полностью? Когда потребность в контакте пройдет, и настанет время покинуть этот коттедж. Яблони во дворе, плющ на стенах, живая изгородь. Три этажа и мансарда – дешево и сердито. Место, которое стало ей домом, проросло в сердце. Выдирать придется с кровью.

Ладно, дело не в доме. В его хозяине.

А может, в том, что ей некуда идти? У сына своя семья. Да и не была Наама ему настоящей матерью. Слишком поздно опомнилась, теперь она ему не нужна.

“Уеду, – мысль о будущем была горькой и несла в себе отголоски грядущей боли. – Уеду за границу, начну все с начала, найду работу.”

Кому Наама нужна там? Что она вообще из себя представляет? Паршивая мать, некудышная хозяйка, слабенький маг. Избалованная, взбалмошная, привыкшая к роскоши. У нее нет ничего кроме красивого тела, громкого имени и толпы ищущих ди Небироса за спиной...

– Что случилось? – голос Торвальда прервал поток самоуничения.

– Почему ты решил, что что-то случилось?

– Вижу.

Нет, анхелос не умел считывать ее эмоции. Но иногда он был просто возмутительно наблюдателен.

– Мэл женился, – выдавила Наама после паузы. – Вчера.

– Знаю.

– Знаешь?! – она дернулась и в возмущении уставилась на лицо мужчины. – Даже ты знаешь, а я... – голос дрогнул.

Торвальд нахмурился.

– Об этом писали газеты весь последний месяц. Свадьба Армеллина ди Небироса – громкое событие.

Она бессильно уронила руки.

– Я не читаю газет.

С тех пор, как время застыло тягучей каплей янтаря в Грейторн Холл, Наама оставила эту привычку. Газеты напоминали, что за стенами поместья что-то происходит, жизнь продолжается. Без нее.

– Тебя не приглашали на церемонию? – спросила она, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно.

Он потянул ее наверх из кресла, обнял – поддерживая, утешая.

– Приглашали. Я не поехал. Не люблю шумные сборища и толпы. Профессиональная паранойя. Ты не представляешь, как легко убить человека или подложить бомбу на подобных мероприятиях.

– Приглашали... – пробормотала она. Сердце снова сжалось от тоски.

– Что-то не так? Тебе не нравится Таисия?

Перед глазами встала жена сына, как живая. Невесомые платиновые локоны, пухлые губы на наивном детском лице и нежность и сострадание в широко распахнутых голубых глазах. Девочка-женщина, сумевшая подарить Армеллину счастье, ощущение тепла и любви. То, чего так и не смогла Наама.

- Да нет же! Просто...

Просто сын даже не сказал о свадьбе. И не позвал. Все, что было важного в его жизни, прошло без нее.

Справедливо. Когда-то она оттолкнула, отреклась от искалеченного ребенка и теперь пожинает плоды своей жестокости.

- Мне кажется, вам нужно поговорить.

- Как? - скривила губы Наама. - Он не может приехать, это привлечет внимание ищущих Андроса. Я не могу покинуть этот дом по той же причине.

Торвальд улыбнулся.

- Так же, как ты попала сюда. Если, конечно, не возражаешь против еще одной поездки в багажнике.

Она до последнего боялась, что Мэл откажется от встречи. Свадьба, медовый месяц - не лучшее время, чтобы вспоминать прошлое. Особенно такое прошлое.

Но он согласился. Была новая поездка в багажнике, во время которой Наама чувствовала себя героиней шпионского романа. И безлюдная подземная парковка какого-то отеля, с которой можно было подняться на лифте прямо в номер, минуя портье. Торвальд подвел ее к двери, на которой поблескивали позолоченные цифры шесть и семь.

- Иди.

- А ты?

- Я буду ждать здесь. Это разговор для двоих.

Преодолевая робость, Наама постучала. Дождалась негромкого "Можно" и заглянула.

Армеллин стоял у окна. Взрослый, собранный, бесконечно чужой. Наама попробовала соотносить его образ с малышом, которого помнила, и не смогла. Время, когда она заботилась о нем и любила его, было отравлено безумием. А последние двадцать лет - ненавистью и виной.

- Ты просила о разговоре?

- Просила.

О чем им говорить? Может ли одно "прости" возместить потерянные годы? Можно ли вообще ее простить?

Она уже просила однажды прощения. Еще в Грейторн Холл. Тяжелый и трудный разговор, оставивший после себя опустошение и облегчение. Мэл не простил ее тогда, но почему-то пожелал избавиться от Андроса.

- Я слышала: ты женился. Поздравляю. Таисия замечательная.

- О да, - он повернулся и на замкнутом лице вспыхнула совсем не свойственная ему мечтательная улыбка. - Она - мое счастье.

- Как все прошло?

Мэл пожал плечами.

- Как всегда на подобных сборищах: шумно, пафосно, много народу и суеты. Но иначе нельзя: положение обязывает. Мы думаем подождать месяц и устроить тихое торжество в кругу близких. А это для прессы и общественности, сама понимаешь... - он осекся и испытующе посмотрел на Нааму. - О чем ты хотела говорить?

- Я... - слова давались с трудом, звучали хрипло и сдавленно, - хотела попросить прощения...

- За что?

- За все.

Сын нахмурился и сложил руки на груди, рассматривая ее сквозь стекла узких очков.

- "Все" - это слишком много, Наама.

Она дернулась, словно от удара, услышав свое имя, но продолжила.

- Много. Не надеюсь, что ты простишь, но все равно скажу это. Прости. Я виновата перед тобой, как только может быть мать виновата перед своим ребенком. Я не хотела тебя. Не ждала, мечтала избавиться.

Ненавидела. Круглый, как арбуз, живот, постоянная тошнота. Ощущение, что в теле растет что-то чужое, гадкое. Мерзкий выродок, отродье ди Небироса.

Дважды Наама пыталась вытравить плод. Андросу пришлось устроить круглосуточную слежку, чтобы не дать ей навредить себе или ребенку.

Годы после родов тонули в дымке безумия. Постоянно орущий сверток - крохотные ручки и ножки, от вида которых в душе внезапно расцветала нежность. Слюнявая беззубая улыбка - она предназначалась Нааме и была прекрасна, но фиалковые глаза детеныша снова напоминали о его отце, и нежность смеялась обжигающей яростью.

Рассудок метался между исступленной ненавистью и такой же исступленной любовью. Однажды Наама обнаружила себя с кинжалом в руках над кроваткой. Где взяла? Что собиралась с ним делать?

Тогда она отбросила оружие и упала на пол, заходясь в рыданиях. А потом еще несколько дней не осмеливалась приблизиться к сыну.

Когда ей впервые пришла в голову эта мысль? Мысль, примирившая с существованием ребенка, позволившая любить его. Один ди Небирос убьет другого и подарит ей свободу.

Безумие согласилось: хороший план. Просто отличный план. Кто будет ждать удара от ребенка?

Сын тоже согласился. Для него это была игра...

- И когда Андрос сделал это... я не смогла защитить тебя.

Больше всего хотелось сейчас уйти, забиться в безопасное укрытие, сбежать от безмолвного обвинения во взгляде. Но Наама не двинулась с места.

Армеллин побледнел. Несколько мгновений он разглядывал ее, а потом губы демона скривились в горькой усмешке.

- Никто бы не смог. Но почему ты не пришла тогда? Я ждал тебя... я бы руку отдал, чтобы увидеть тебя! А ты не пришла...

Она съежилась.

- Меня не пустили.

"Я наказал щенка, - сказал тогда Андрос. - Велел отрезать ему крылья. "

В тот миг стало холодно, из мира исчезли краски и звуки. Непомерный, неподъемный груз вины придавил к земле, почти раздавил. Не было ни сил, ни желаний, ни даже слез.

"Но я знаю, кто на самом деле виноват, и ты тоже будешь наказана. "

Она приняла эти слова даже не равнодушно, с радостью. В душе Наама была согласна - она заслуживает наказания. Самого сурового, самого жуткого.

Он наказал ее с невиданной жестокостью. Но все равно недостаточно.

Дни и ночи между похотью и болью. Бешенство в фиалковых глазах, рычащий голос: "Я пр-р-предупреждал тебя, На-а-ама". Волны похоти от наркотика, прокатывающиеся по телу. Это не страшно. Страшно было думать о том, что она натворила в своей неумной жажде мести. Страшно понимать, что способен сделать Андрос с их общим сыном, чтобы причинить ей боль.

- Сначала меня не пустили, а потом...

Она не пришла. Ни тогда, когда снова смогла ходить после наказания. Ни позже. Отреклась от Мэла на словах и в душе. Освободила от себя, не позволила ему стать заложником в их с Андросом разрушительном противостоянии. Оставила одного.

И ее место занял Андрос. Учил его. Воспитывал. Лепил свое подобие - день за днем, год за годом. Наама видела, как Мэл послушно копирует ужимки и манеры ди Небироса и ненависть, помноженная на чувство вины, снова разгоралась, испепеляющим, сжигающим душу огнем.

Так было годы. А потом появилась Тася...

Голос срывался, когда она говорила и говорила, обнажая душу, вытаскивая на свет все, что копилось и оседало в ней годами. Ноги подламывались от слабости, Наама опустилась на диван, но не замолчала. Не раньше, чем выплеснула все.

- Я виновата. Прости, если можешь. А я себя никогда не прощу, - последние слова потонули в слезах. Горьких, как сама жизнь. Наама спрятала лицо в ладони и заплакала.

Мэл сел рядом. И вдруг обнял ее. Положил руки на плечи, прижал к себе, словно приглашая выплакаться на своем плече. Какой он большой, совсем взрослый. Родной и чужой. Прошлого не изменить, не исправить сделанных ошибок. Можно только сожалеть...

Слезы кончились. Теперь Наама просто сидела, уткнувшись сыну в плечо. На душе ощущалось опустошение, горечь и легкость.

- Прости... снова прости. Я не должна была вываливать это на тебя...

- Нет, должна, - тихо возразил он. - Спасибо.

- Что? - она чуть отстранилась, вглядываясь в знакомое и незнакомое лицо. Фиалковые глаза за стеклами очков странно блестели.

- Для меня это важно, - он помедлил. - Я постараюсь простить. Я плохо умею, но у меня хороший учитель.

Наама глубоко вздохнула и поняла, что наконец-то готова сказать те слова, ради которых приехала сюда.

- Я люблю тебя.

Всегда любила. Даже когда ненавидела и проклинала.

Он грустно улыбнулся.

- Я тоже тебя люблю, мама.

ГЛАВА 12

Мэл уехал первым. Дома его ждала молодая жена и куча дел. Наама стояла, уперевшись лбом в прохладное стекло, и провожала взглядом знакомую машину. Еле различимый в сумерках “Циклоп” вырулил с подземной парковки, свернул на трассу и затерялся в потоке других автомобилей.

Еле слышно скрипнула дверь за спиной.

- Тебе нужно побыть одной?

- Нет.

Даже от одного звука его голоса стало теплее. Обернуться, обнять его в попытке передать хоть малую толику благодарности, которую она сейчас ощущала.

- Спасибо! Спасибо тебе!

- За что? Я ничего не сделал.

За то, что предложил эту встречу. Что был рядом. Что не вмешивался все время, пока шел этот тяжелый, болезненный, но такой нужный и ей, и Мэлу разговор.

За то, что сейчас он здесь, с ней. Обнимает, как бы говоря: “Не бойся, я с тобой”.

- Сделал!

- Все прошло хорошо?

- Да. Наверное... - Наама тяжело вздохнула. - Я не заслуживаю его, Торвальд.

- Судя по всему, Армеллин считает иначе.

- Я действительно была ужасной матерью. Если бы ты только знал...

Он усмехнулся.

- Я знаю. Если не все, то многое. Об остальном не сложно догадаться.

Демоница съежилась.

- Презираешь меня?

Он покачал головой. Потом заглянул в ее лицо. Демоница попыталась отвернуться, но Торвальд не дал этого сделать. В его ауре не читалось и следа отвращения, которое Наама заслуживала. Только тревога, забота и нежность.

- Никто не имеет права судить тебя, кроме твоего сына.

Наама опустила взгляд и снова прильнула к мужчине в поиске защиты от призраков прошлого. И он обнял ее, обещая объятиями эту защиту и поддержку.

- Ты сама не понимаешь насколько ты удивительная, - демоница замерла, впитывая звучащую в его голосе нежность. - В тебе столько жизни, страсти и огня. Даже ди Небирос не смог загасить его.

- Огонь - это больно, - пробормотала она, пряча лицо у него на груди.

Да, в ней всегда тлел неукротимый огонек, который притягивал мужчин. Да и не только мужчин. Страсть, умение полностью отдаваться моменту, наслаждаться жизнью. Наверное, эту искорку можно было бы назвать благословением, не разгорайся она временами в испепеляющее пламя. Алчущее и злое, оно ранило всех вокруг и ее саму прежде других.

Рядом с Торвальдом неукротимый вулкан страстей гас. Превращался в теплый огонь в очаге. Согревал, дарил тепло, но не обжигал.

- Ты научишься справляться с ним. Давно научилась бы, если бы не ди Небирос. И, - тут его

аура налилась гневом – тяжелым и страшным, всесокрушающим, - я все больше хочу, чтобы он заплатил за все, что с тобой сделал.

Машина остановилась, заглох движитель.

- Наконец-то, - проворчала Наама, когда дверца багажника открылась и показался знакомый интерьер гаража.

В ауре анхелос заплясали знакомые искорки.

- Так не понравилось ездить в багажнике?

- Тебе тоже не понравится постоянно стучаться головой о стенку на поворотах, - она собиралась вылезти, когда Торвальд подхватил ее на руки. - Эй, я же в туфлях сегодня!

- Поверь, туфли мне совершенно не мешают.

- Надеюсь, ты тащишь меня в свое логово, чтобы грязно надругаться?

На этих словах Торвальд чуть было не споткнулся. Покосился на нее с изумлением.

- Нет, вообще-то я предполагал заняться ужином, - он на мгновение задумался, а потом на его губах расцвела хищная улыбка. - Но идея хороша. Решено: начнем с надругательства!

Наама сощурилась, чувствуя как съезживаются соски, а по телу прокатываются искры предвкушения. Торвальду определенно понравилось ее предложение – объятия стали крепче, в ауре появилась совершенно отчетливая, сводящая с ума нотка возбуждения, и ее собственная голодная сущность встрепенулась в ответ, посылая по телу жаркие импульсы желания. Наама обвила мужчину руками за шею и игриво куснула за ухо.

Он внес демоницу в дом на руках. Совсем так же, как месяцем раньше. Пронес через весь первый этаж к лестнице, ведущей в спальню. Когда он поставил ее на пол, Наама ухватилась за галстук, притянула к себе и впиалась в губы жадным поцелуем.

- Ненавижу твои костюмы, - пробормотала она, негнушимися пальцами расстегивая пуговицы.

Процесс раздевания показался мучительно долгим испытанием. Хотелось сбросить ненужную одежду, обнять его, оплести ногами и слиться, отдаться. Прикосновения и поцелуи обжигали, уверенные неторопливые ласки, заставляли Нааму хныкать и стонать от нетерпения.

Оставшись в корсете и чулках она чуть отстранилась и толкнула мужчину на кровать, как делала всегда, когда ей хотелось вести и распорядиться в постели. Иногда он соглашался, иногда нет. Сегодня, похоже, был ее день, потому что Торвальд не стал возражать. Она смерила жадным взглядом его полуобнаженную фигуру – хорош, зараза. Так хорош, что глаз не отвести от этих широких плеч, мускулистой покрытой шрамами груди, узкой талии.

Взгляд остановился на ремне брюк и выпуклости чуть ниже.

- Как-то на тебе слишком много одежды, красавчик, - промурлыкала Наама, нависая над ним.

Он стиснул ее ягодицу и щелкнул резинкой на ее поясе.

- На тебе тоже многовато.

Голос его звучал очень хрипло, серые глаза потемнели от возбуждения. Он попытался было расстегнуть корсет, но Наама ловко ускользнула и покачала головой.

- Доверься мне, милый.

Демоница хищно раздула ноздри и глубоко вдохнула. Они ещё даже не начали, а в комнате уже пахло развратом. Пряным, сладким упоительным. Голодная сущность внутри откликнулась восторженным урчанием.

Хотелось... странного. Нежности и бесстыдства одновременно. Как-то выразить кипящие в крови возбуждение и восхищение, благодарность и жадное желание. Все, что она чувствовала,

к этому невероятному, потрясающему мужчине.

Она удобно устроилась на его бедрах. Уперлась ладонями в плечи, скользнула ниже – лаская, поглаживая, чуть царапая. Наклонилась, чтобы игриво куснуть за нижнюю губу и тут же отпрянула, когда он попытался ее поцеловать.

- Тс-с-с, лежи смирно, будь послушным мальчиком, и я сделаю тебе очень хорошо.

- Ну, давай попробуем, - усмехнулся он, принимая предложенную игру. Наама довольно улыбнулась и снова прильнула к тренированному телу – целуя и чуть прикусывая, вдыхая одуряющий запах желанного мужчины, изучая его тело так, словно сегодня впервые увидела обнаженным. Она ощущала себя пьяной, как кошка, вылакавшая целое блюдо валерьянки.

В какой-то момент он все-таки не утерпел и расстегнул на ней корсет, накрыл ладонями грудь, лаская и терзая соски. А потом шаловливые ладошки демоницы добрались до ремня. Наама беззастенчиво погладила возбужденный член сквозь ткань брюк и облизнулась. В горле внезапно пересохло. Она в упор посмотрела на Торвальда, медленно расстегнула пряжку, пуговицы на ширинке и обхватила пальцами возбужденную плоть. Дыхание мужчины участилось. Не отрывая взгляда от его расширенных зрачков Наама медленно нагнулась и коснулась губами бархатистой головки.

Андрос нередко принуждал ее к подобным ласкам, но впервые в жизни она делала это сама без насилия, угроз и наркотика, просто в желании доставить мужчине радость. Не было ни брезгливости, ни отвращения. Только любопытство, как у ребенка, получившего новую игрушку. Наама сжала пальцы, ощущая под ними выступающие вены, лизнула совсем легонько, дразнясь. Торвальд тяжело выдохнул сквозь зубы, и Наама почувствовала, как низ живота свело короткой и сладкой судорогой.

Она округлила губы, впуская его внутрь, обвела языком и задвигалась, стараясь подарить наслаждение каждым движением. Внизу живота пульсировало яростное голодное желание, требуя впустить в себя этот прекрасный член, почувствовать его внутри, отдаться бешеной скачке.

Но рано. Пока еще рано. Она еще не наигралась. Не распробовала его вкус, не насладилась ощущением обладания.

Она дразнила его: двигалась то быстрее, то медленнее, ритмично сжимала, впускала глубоко и облизывала, как мороженное, бросая развратные взгляды снизу вверх. Если бы кто-то год назад сказал Нааме, что она будет делать это с мужчиной сама, по доброй воле, что не только не почувствует себя униженной, но еще и получит удовольствие, она бы не поверила.

- Повернись ко мне, - хрипло приказал Торвальд.

- Что?

- Повернись ко мне своей сладкой задницей, - это прозвучало слишком грубо и резко. Совсем непохоже на него. Наама недовольно фыркнула, но послушалась. Он потянул ее за бедра на себя, а в следующее мгновение она задохнулась, ощутив ласкающие и жалящие прикосновения языка на самой чувствительной точке своего тела. Это было волшебно! Непередаваемо! Как раз то, чего ей не хватало. Постанывая от удовольствия, она вернулась к своему занятию, но полностью сосредоточиться на ласках не получалось. По всему телу расплывалась сладкая пульсирующая дрожь, наслаждение звенело в каждой клеточке, огненный ком внизу живота рос и разрастался предчувствуем небывалого восхитительного финала.

Кажется, это произошло одновременно. Легкая пульсация под пальцами, чуть терпкая вязкая жидкость на языке и мир взорвался в упоительном яростном безумии. Наама обмякла огушенная, опустошенная оргазмом небывалой силы. Но Торвальд не оставил ее в покое. Развернул лицом к себе, впился в губы жадным поцелуем, в то время как его пальцы продолжали ласкать и поглаживать там, где мгновением раньше был его язык. Наама выгнулась, жалобно всхлинула и снова растворилась в наслаждении.

В себя она пришла от поцелуя – весьма целомудренного, в лоб. Потянулась, удобнее устраивая голову у него на плече, поймала теплую улыбку.

- Кажется, занимаясь надругательством, мы пропустили ужин.

- Я не голодна.

Она ощущала себя сытой во всех смыслах. Довольная демоническая сущность тихонько мурлыкала.

- А я бы съел здоровенный стейк.

Наама мысленно перебрала содержимое холодильного ящика.

- Стейка нет, - она зевнула. Как спать-то хочется! Слишком тяжелый и суетный получился день. - Могу пожарить яичницу.

Яичницы и омлеты во всевозможных вариантах в последнее время у нее получались совсем неплохо. Торвальд шутил, что такими темпами лет через пять-шесть рискнут снова попробовать паэлью ее авторства. Наама делала вид, что сердится, но на словах "пять лет" в душе что-то сладко замирало.

Он легонько чмокнул ее в губы.

- Лежи. С яичницей я способен справиться самостоятельно.

Ну и ладно, ей же проще.

Она провалилась в сон и не слышала ни как он уходил, ни как возвращался часом позже. Только почувствовав знакомую ауру рядом, подползла во сне, чтобы обнять и снова устроить голову у него на плече.

Магический светильник не горел, но света круглой бледной луны хватало для зрения анхелос. Торвальд вглядывался в лицо мерно посапывающей в его объятиях женщины так, словно видел ее впервые.

Не красавица, если вспомнить классический канон, но это перестаешь замечать уже в следующее мгновение после знакомства. Есть в ней что-то, искорка, шептунья огонек, притягивающий невольно взгляд к высоким скулам, алым губам и раскосым кошачьим глазам. Не пройдешь мимо, так хороша. Демонически, невозможно хороша.

Спит, доверчиво устроив голову в сгибе его руки. На чувственных губах довольная улыбка, на щеках румянец. Похожа на кошку, втайне от хозяина вылакавшую целую кринку сметаны.

Так изменилась... Не узнать бледную издерганную и злую женщину, ступившую на порог его дома чуть больше месяца назад. Больше не вздрагивает, не шарахается, не скалит зубы - не подходит.

Доверяет...

Надо сказать ей. Она должна, имеет право знать. Раньше он думал, что Наама знает - не мог же Армеллин отправить мать к нему, не предупредив. Но день за днем, вглядываясь в свою гостью, убеждался - нет, не предупредил. Почему? Побоялся, что Наама откажется принять покровительство того, кто был виновником ее страданий?

Значит, он должен сам. И нужно было сделать это раньше. До того, как все запуталось окончательно.

Он скажет, и потеряет ее. Или не скажет и потеряет, потому что прошлое и ложь навсегда останутся между ними. И неважно, что Наама никогда не узнает. Он будет знать. И никогда с чистой совестью не сможет назвать ее своей.

Снова влюбился в демоницу. Идиот! Опять на те же грабли, с разбега. И ладно бы просто в демоницу, в Наама ди Вине. Некоторых дураков жизнь ничему не учит.

Зачесался шрам на груди - метка, оставленная ее отцом.

Ди Вине - проклятый род, род бунтовщиков и сволочей. Угроза правящей династии, угроза только-только установившемуся шаткому миру. Угрозы нужно уничтожать, для того он и пошел в особый корпус анхелос. Чтобы защитить то, во что верил.

А теперь мертвы. Все, кроме нее - той, которая спит, доверчиво уткнувшись носом в его плечо. Той, которую хочется защитить и укрыть от всех напастей и угроз. Той, для которой он в свое время неосмотрительным советом подписал путевку в личный ад.

Захочет ли она остаться с ним, когда узнает правду?

ГЛАВА 13

- Сэр...

- Ты принес его? - Андрос ди Небирос повернул налитые кровью глаза к плюгавенькому человечку. Тот пугливо жался к двери, стискивая в побелевших пальцах потрепанную бумажную папку.

- Да сэр, - человечек сглотнул. - Но вы должны понимать: я пошел на должностное преступление. Если все вскроется, меня даже не уволят, отдадут под суд.

- Дай сюда, - он требовательно вытянул вперед руку, прожигая посетителя яростным взглядом. Тот громко сглотнул.

- Сэр, вы просто не оставили мне выбора. Если бы не ваши угрозы...

- Дай. Сюда, - негромко и четко повторил ди Небирос.

Казалось, это невозможно, но человечек побледнел еще больше безропотно подошел к краю стола, чтобы положить на нее папку.

- Деньги получишь у моего секретаря.

- Дело не в деньгах...

- Пошел вон! - зло произнес демон. И не дожидаясь, пока трясущийся от страха посетитель удалиться, открыл папку.

Внутри лежал листок. Один-единственный - прошение на официальном бланке, выполненное по всей форме. И небрежный росчерк внизу "Удовлетворить", заверенный императорской печатью.

Но Андроса интересовало не это. Он нашел взглядом в имя просителя, указанное в верху документа, а в следующее мгновение стены кабинета содрогнулись от полного ярости и боли рычания.

Андрос ворвался в кабинет без стука. Секретарша вскочила, пытаясь остановить его, но отлетела в сторону. Демон распахнул дверь и торжествующе зарычал при виде беловолосого мужчины в костюме-тройке.

- Ты!

В комнате были еще две какие-то невзрачные личности - парень и девушка. Студентки. Андрос не обратил на них внимания. Он смотрел только на мерзавца, осмелившегося похитить у него его собственность.

Анхелос не дрогнув встретил взгляд налитых кровью глаз. Губы его словно сами собой сложились в саркастичную безукоризненно вежливую улыбку, которую хорошо знал любой, кто хоть раз в жизни встречал Торвальда Равендорфа.

- Я не назначал вам, ди Небирос.

- Ничего, - Андрос оскалился. - Я сам себе назначил. Где ты прячешь мою женщину, ублюдок?

Равендорф нахмурился, кинул быстрый взгляд на двух других посетителей.

- Марк, Анна, оставьте нас, пожалуйста. Следующая консультация через неделю в то же время.

Повторять не потребовалось: студентов словно ветром унесло.

- Ну?! - снова прорычал Андрос, когда за ними захлопнулась дверь.

Равендорф откинулся на спинку кресла. Он отнюдь не выглядел испуганным. Раздосадованным – пожалуй. Но ни малейших признаков того трепета, который испытывали обычные люди в присутствии Андроса.

– Во-первых, начнем с того, что Наама ди Вине не является вашей женщиной, – занудно начал он. – Она даже не является вашей собственностью, поскольку император подписал помилование. Поэтому любое преследование с вашей стороны – преступление.

– Она – моя!

– Во-вторых, – не дрогнув лицом продолжал анхелос, – я не являюсь вашим подчиненным и не обязан перед вами отчитываться. Ну и в-третьих, с чего вы вообще взяли, что я ее где-то прячу?

Демон выдохнул сквозь зубы и шагнул, чувствуя, что еще миг, и потеряет власть над обликом и разорвет наглухо сволочь.

– Не советую, – все тем же спокойным насмешливым тоном подсказал Равендорф. – Я не беззащитная женщина, со мной будет справиться куда сложнее.

Андрос знал об этом. Он помнил, кто казнил Увалла ди Вине, но не это остановило его. И даже не воспоминание об императорском указе, запрещавшем дуэли между светносными и демонами под страхом вечной каторги. Только мысль о том, что если он сейчас случайно убьет ублюдочного наглеца в драке, то снова потеряет единственную ниточку, ведущую к Нааме.

Глупо... очень глупо было приходить сюда и давать оружие в руки противнику. Следовало нанять ищеек, проследить.

Но ищейки рыщут уже месяц. Лучшие частные детективы страны переворачивают вверх дном столицу и отдаленные провинции, а все без толку. Он устал ждать! Ему нужна его женщина. Дерзкая, строптивая, наглая сучка, о которой он заботился столько лет. Как она посмела снова сбежать?! Почему императорский прихвостень помог ей?

– Хочешь денег? – устало спросил Андрос. – Миллион золотых.

Равендорф скривился, словно разжевал неспелую ягоду.

– Это уже начинает напоминать пошловатый водевиль.

– Два миллиона.

Анхелос резко встал.

– Прекращайте этот фарс и убирайтесь, ди Небирос. Или мне придется вас выкинуть.

Он не стал предлагать дальше. Понял, что бесполезно.

– Я найду ее, ты, говнюк! Слышишь, найду, – мрачно пообещал Андрос.

– Слышу. Удачи желать не стану. Дверь вон там.

Но когда демон, наконец, покинул кабинет, самоуверенная и насмешливая маска сползла с лица Равендорфа, а в глазах поселилась тревога. Он дождался, пока шаги стихнут, торопливо собрал разложенные на столе бумаги в портфель и тоже выскочил в коридор.

– Торвальд? – изумилась Наама, увидев его на пороге.

Время едва приближалось к обеду, а полковник предупреждал, что вернется поздно. За неделю его отсутствия в академии скопилось куча срочных вопросов.

Она потянулась было поцеловать любовника, и вздрогнула. Радость и удивление сменились нехорошим предчувствием. Слишком тяжелая напряженная аура окружала Торвальда. В ней клубились тяжелые тучи и потрескивали гроззовые разряды.

– Что-то случилось?

– Случилось, – он обнял и притянул ее к себе. – Андрос знает.

- Что?! - она заледенела, в одно мгновение обращаясь в застывшую статую. Тоскливо засосало в животе, ладони стали мокрыми и липкими от пота. Наама сжалась, стремясь стать меньше, незаметнее.

Нет, только не это! Снова вернуться в кошмар, который, казалось, уже остался в прошлом?! Что угодно, только не это!

- Тише, тише, - его объятия обрели крепость стали, и это помогло. Удержало на краю, помогло не сорваться в безудержную панику, истерику, бессмысленное бегство наверх в мансарду. - Я здесь, я с тобой.

- Как он узнал? - глухо выдавила демоница.

- Скорее всего, как-то получил доступ к прошению о помиловании, которое я подавал. Может, подкупил кого-то из служащих канцелярии. Я сообщу коллегам, будет внутреннее расследование, но ситуацию это уже не спасет, - он мрачно замолчал. - Андрос знает, что я причастен к твоему освобождению. И он не дурак, способен сопоставить этот факт с районом, откуда шел сигнал маяка. Но он все еще не догадывается, что ты до сих пор здесь. Думает, я прячу тебя где-то далеко.

Демоница встрепенулась.

- Значит надо бежать!

Опять бежать?! Когда жизнь только-только вошла в колею. Скрываться, прятаться. Сказать "Прощай" мечтам о восстановлении магии - без анхелос рядом этот процесс затянется на годы.

Сказать "Прощай" мужчине рядом...

- А если он найдет тебя, когда я буду далеко? Нет, думаю, есть только один выход.

- Какой?

- Ты должна выйти за меня замуж.

От изумления у Наамы отнялся язык. Она чуть отстранилась, рассматривая Торвальда абсолютно круглыми глазами. Да уж, полковник умеет удивить. Замуж? Как это поможет ей защититься от преследования?!

- Если сейчас с тобой что-то случится, я даже не смогу официально настаивать на поисках. Пока мы никто друг другу, я не вправе потребовать защиты для тебя или выступить от твоего имени. И твой статус в глазах полиции или тем более службы безопасности - ничтожен. Помилованная преступница, за которой не стоит ни денег, ни клана, - слова были правдивы, оттого слышать их было особенно больно. - Но если ты будешь моей женой... Обидеть Нааму Равендорф совсем не то же самое, что Нааму ди Вине.

Наама прикрыла глаза. Так и есть, Торвальд все верно говорит. Выйти за него замуж - лучший выход. Единственный выход, наверное.

Почему нет? Они все равно живут вместе, они любовники. Торвальд не из тех мужчин, что делают что-то наполовину. Сказал, что защитит, вот и защищает. В конце концов, когда опасность уменьшится, когда Андроса отпустит и он смирится, что Наама больше не его собственность, можно будет и развестись.

Не так она все планировала. Но уж как получилось.

- Хорошо.

- Тогда поехали в храм!

- Что, сейчас?

- Почему нет, - вот теперь он улыбнулся. - Или ты хочешь собрать подружек и устроить девичник на прощание?

И верно. Нааме стало смешно. Это же не настоящая свадьба. Можно сказать, вынужденный брак. Не фиктивный, наверное, они же продолжат спать вместе. Но все равно какой-то не настоящий.

А если не настоящий,то и толпы гостей, кольца, армия подружек и пышный банкет ни к чему.

- Поехали, - согласилась она. - Ты повезешь меня в багажнике?

ГЛАВА 14

В багажнике Наама все же не поехала. Торвальд сказал, что нет смысла больше прятаться. Раз уж Андрос точно знает где искать, рано или поздно выследит их. Да и новобрачная, которая вылезает из багажника на парковке – зрелище слишком нетривиальное.

Все прошло как-то буднично и скучно. Маленький храм в двух кварталах от дома Равендорфа был пуст, только одинокий служка дремал в темном углу. Пока Наама оглядывала залитое светом помещение, Торвальд разбудил юношу и велел позвать жреца. #285372704 / 13-Feb-2018

- Ты так смотришь, словно впервые в храме.

- Почти, - Наама усмехнулась. - Последний раз я была в подобном месте тридцать лет назад, когда отсекали мою тень. Знаешь, я никогда не полагалась на высшие силы. А после того, как меня отдали Андросу и лишили силы поняла, что Богиня отвернулась от меня. И я решила отвернуться от нее в ответ.

В Грейторн Холл была домашняя молельня, но Наама заходила в нее только однажды. А в настоящий храм, даже такой мелкий и невзрачный, как этот, Андрос бы ее не отпустил.

Местный жрец оказался человеком. Полноватым, преклонных лет, с окладистой бородой. Пока он нараспев зачитывал из толстой книги в потертом кожаном переплете Наама скучала и разглядывала витражи на стрельчатых окнах. Все происходило так просто и буднично, без малейшего налета торжественности, без надежд на счастье и радужных мечтаний, которые сопровождают свадьбы.

Наверное, так правильно. Они оба не молоды и не питают иллюзий. Им хорошо вместе, но этот брак – вынужденная мера, а не союз трепетных влюбленных. Только почему так горько от этой мысли?

Она представила на мгновение, что нет никакого Андроса и нет угрозы, которая вынуждала бы ее спешно выйти за Торвальда. Что она вольна идти куда хочет, жить где хочет, спать с кем хочет.

Почему-то на “спать с кем хочет” воображение снова подсунило Торвальда. Нет, Наама определенно не хотела никого другого. Потрясающий любовник, потрясающий мужчина. Тридцать лет в ее мыслях и теле не было никого кроме Андроса. Мучитель Наамы, ее хозяин и кошмар заполнял собой ее жизнь полностью, без остатка. И вот Торвальд сумел вытеснить его так легко и незаметно, что сама Наама поняла это только сейчас.

Если бы не было ди Небирора, если бы над ее жизнью не нависла его вездесущая и страшная тень, пожелал бы Торвальд жениться на ней? Вряд ли.

А захотела бы она выйти за него замуж?

“Пожалуй, да”, - грустно призналась себе демоница. Торвальд заботился, но не душил этой заботой. Оберегал, но не опекал чрезмерно. Помогал, но не контролировал. Рядом с ним у нее словно выросли крылья.

Впрочем, почему “словно”?

- И если найдется кто-то, кто против этого брака, пусть скажет сейчас или замолчит навечно, - проговорил жрец ритуальную формулу в пустующий зал.

- Найдется! – раздался внушающий ужас низкий рычащий голос со стороны двери.

Наама обмерла, чувствуя, как по спине ползут ледяные мурашки. Этот голос... Проклятый, приходящий в мутных ночных кошмарах голос.

Шаги за спиной. Громкие, отчетливые в тишине храма.

- Она моя вещь! И я ее никому не отдам.

Торвальд повернулся, задвинув Нааму за спину. Бросил сквозь зубы: "Прячься!" и сжал ободряюще руку.

Этот жест разрушил мертвенное оцепенение, в котором пребывала демоница. Наама рванула вперед, забежала за алтарь и забилась в тесный угол за колонной. Там находилась маленькая дверка, ведущая в схрон для даров и подношений. По канону зодчества, схрон предполагал второй выход, если она прямо сейчас нырнет туда, то сможет сбежать...

- Вы бредите, ди Небирос. Наама - не вещь. Она свободная женщина, она выходит за меня по собственной воле, без принуждения. У вас нет никаких прав на нее.

Можно сбежать. Но тогда Торвальд останется один на один, против чудовища из ее кошмаров.

- Она моя! - казалось, от рева содрогнулись стены и тревожно зазвенели витражи.

Она ведь все равно ничем не поможет. За тридцать лет и десятки неудачных покушений Нааме ни разу не удалось причинить Андросу сколь-нибудь существенный вред. Зато он за каждую попытку наказывал ее с невиданной изобретательностью и жестокостью.

Наама всхлипнула и выглянула из-за колонны. Вовремя. Как раз в тот момент, когда Андрос окончательно сбросил плотскую оболочку, обращаясь к своей клыкастой и когтистой сути.

Ее оживший кошмар. Живое воплощение слов "страх" и "ненависть". Он нависал над Торвальдом, возвышаясь подобно неодолимому легендарному исполину. И высокий тренированный мужчина рядом с рогатым покрытым чешуей монстром вдруг показался слишком слабым и беззащитным.

На мгновение. А потом треснула ткань костюма, выпуская на волю огромные светящиеся крылья, и в руке Торвальда вспыхнул меч, сотканный из струй золотого и алого пламени. Вся фигура мужчины разом выросла, укрупнилась, сравнившись размерами с демоном. Наама зачарованно выругалась. Она впервые видела анхелос в боевой трансформации. Ни капли не похоже на демона, но как красиво...

Демон лязгнул клыками и бросился на врага. Огненный меч расчертил воздух и начала битва.

Огненные всполохи и рычание. Кожистые крылья нетопыря и сияющие крылья лебедя. Стремительные, почти неуловимые взглядом движения, смертельная пляска света и тьмы.

И пятна крови. Брызги, щедро кропившие пол и стены храма - не различить, где чья.

Наама стиснула кулаки так, что ногти впились в ладони, но не заметила этого. Ее взгляд не отрываясь следил за кружащими под потолком фигурами. В своем сне она, вооруженная всего лишь огненным клинком, победила ди Небироса. Как наивна она была! Кто сможет одолеть демона такой силы? Только еще большее чудовище!

Рядом скрипнула дверь. Демоница вздрогнула и обернулась, но это был всего лишь давешний жрец. Суеверно косясь через плечо и непрерывно бормоча молитвы, он вполз в схрон. Последовать за ним? Бежать, пока еще не поздно? Пока Торвальд выгадывает для нее минуты.

Наама не сдвинулась с места.

Разлетелись вдребезги сначала один, потом другой витраж, слетели на пол дорогие гобелены, с вытканными на них священными гимнами. И снова кровь. Так много крови...

Богиня, я никогда тебя ни о чем не просила, но теперь прошу! Помоги ему. Не дай умереть так глупо, неправильно, не в его войне!

Небесам плевать на просьбы смертных. В ответ на ее молитву демон издал торжествующий крик и швырнул противника через всю залу на алтарь. Наама закусила кулак, чтобы не закричать от отчаяния.

Давай! Поднимайся, ну же!

Но он не двигался. Крылья за спиной потухли и меч в руке растаял. Из ранки на виске стекала струйка крови, и правый рукав костюма промок и потемнел.

Нет!

Демоница не выдержала, все-таки выскочила из укрытия, бросилась к нему, упала на колени, умоляя подняться, встать.

- Уйди, женщина, - зарычал Андрос за ее спиной, а затем сильный толчок отбросил Нааму в сторону. Она ударилась головой, перед глазами вспыхнули искры. Попыталась встать, цепляясь за алтарь. Не получилось...

Демон снизился, завис над недавним противником, часто хлопая крыльями.

- Вот так! - ликующе проревел он. - Она моя!

Блеснул хвост, таящий ядовитое жало, и устремился вниз, чтобы довершить начатое. И тут поверженный анхелос ожил. Выскользнул в последнее мгновение из-под удара. Огненный меч прочертил дугу в воздухе и безжалостно отсек хвост почти у самого основания.

Демон рухнул на каменные плиты, и от его рева у Наамы заложило уши. Она покачнулась, и вцепилась в алтарь, чтобы не упасть. И смотрела, не отрываясь, как корчится ди Небирос, как бьется и извивается отсеченный хвост, превратившийся из убийственного оружия в бесполезный обрубок, как анхелос снова поднимает свой клинок, чтобы пронзить противнику сердце...

Она опомнилась в последний момент и бросилась ему наперерез.

- Торвальд, нет!

Анхелос вскинул голову, пугая ее своим истинным обликом.

- Почему?

Говорят, что демоны в боевой трансформе ужасны. Быть может, но и анхелос способны внушить страх. Сила прошла по Торвальду, смыв привычные уютные черточки, мелкие неровности, несовершенства, делавшие его знакомым и понятным, родным. Оставила только сверкающий нечеловеческий идеал. Лицо - ледяная маска, безмятежная и бесстрастная. Волосы словно выкованы из серебра, белое сияние заливает глазницы и клинок в руках - струи упругого огня, охра и киноварь. Даже голос стал другим - звучным и гулким. Дробился на сотни иных голосов, отзывался в пространстве множественным эхом.

- Потому что указом императора дуэли между анхелос и демонами запрещены! - выпалила она. - А я не хочу всю жизнь возить тебе передачи.

- Ах да... - сияние в глазах погасло. Он опустил взгляд на воющего от боли демона. - Но он заслужил смерти за все, что сделал с тобой.

- Заслужил, - согласилась Наама. - И даже хуже смерти. Но ты не заслуживаешь каторги из-за такого, как он.

- Хуже смерти? - Торвальд ухмыльнулся, снова превращаясь в ледяного воина света. - А это идея.

И вскинув огненный клинок, отсек демону сначала одно, а потом второе крыло.

- А ты умеешь быть жестоким.

Они сидели на кухне. Знакомая скатерть в красно-белую клетку, плетеные стулья, привычный вид увитой плющом ограды за окном все это успокаивало, расслабляло после кровавого безумия в храме. Как все-таки хорошо дома.

Дома? Да, дома. Этот простой коттедж в пригороде стал для нее домом. Местом, куда хочется возвращаться.

- Умею, - согласился Торвальд. - Но в данном случае жестокость не при чем. Это твоя безопасность. Ди Небиросу придется оставить тебя в покое, если он не хочет, чтобы весь мир узнал про его увечье.

Наама изумленно ахнула, мгновенно оценив всю красоту и изящность замысла.

Демоны безжалостны к слабым. Бескрылого – неважно получил он увечье в качестве наказания за преступление или стал жертвой несчастного случая – ждет презрение со стороны равных. Бескрылый не соперник крылатому, он почти гарантированно проиграет в любой дуэли, единственный выход для него – проявлять чудеса дипломатии в разговорах, не допуская конфликта.

Трудно поверить, что ди Небирос с его характером и гордыней, сможет это. Да и врагов он успел нажить более, чем достаточно. Можно не сомневаться: Андрос сделает все, чтобы сохранить свою позорную тайну.

Мэлу понравится. Есть какая-то высшая справедливость, что искалечивший ее сына тиран сам вынужден будет хлебнуть горькой доли бескрылого.

- Так вот зачем ты вызвал безопасников в храм? Чтобы они увезли его, и никто не узнал о случившемся?

Торвальд кивнул.

- Какое коварство, - восхищенно промурлыкала она и потерлась носом о его плечо там, где не было царапин. - Ты – мой герой!

Он улыбнулся.

- Можно обработать герою его раны?

- Можно.

Наама вернулась к своему занятию. Сделала ещё несколько стежков, обрезала нить и лизнула получившийся шов.

- Больно?

- Не особо.

Каким-то непостижимым образом Торвальд умудрился выйти из схватки почти без повреждений. Несколько мелких царапин, которые Наама с удовольствием зализала, несмотря на все его возражения. Ну и что, что он не привык лечиться подобными методами. Слюна демонов – лучший регенератор для мелких порезов, так что в Бездну всякие антисептики и исцеляющие чары.

Единственную глубокую рваную рану на плече Наама зашила прямо на кухне потому что Торвальд наотрез отказался идти к целителю “с этой мелочью”.

- Ты страшен в гневе, - она зажмурилась с благоговением вспоминая исполинскую фигуру из пламени и чистой силы. - Настоящая машина для убийства.

- Просто если берусь что-то делать, стараюсь делать хорошо.

- У тебя получается.

В ауре анхелос заплясали лукавые искорки.

- Это ты еще не видела, как я читаю основы теормага.

Она снова рассмеялась и потерлась о него щекой. С ним все в порядке. С ней все в порядке. И страшная тень ди Небироса больше не ложиться на всю ее жизнь. Не надо бежать, спасаться, где-то прятаться. Всего пару часов назад ее самый жуткий кошмар лежал окровавленный, искалеченный и жалкий у ее ног. Он уже никогда не поднимется в воздух, не поймает ее, не ударит, не подвергнет насилию. Останется жалким уродцем, а Наама если не сегодня, то через пару месяцев все же вернет свой настоящий облик. Богиня, ей это снится?! Разве может быть настолько хорошо?

Как будто исчезла стонная плита, беспрестанно давившая на плечи. Нет, тридцать лет боли и унижений никуда не делись, от них не избавиться так просто. Просто Наама вдруг поняла, что жизнь не заканчивается на том, что было. Наоборот: только начинается.

И все это благодаря ему. Мужчине, который сидит рядом и смотрит на нее теплым ласкающим взглядом.

Захотелось расплакаться от счастья. Впервые в жизни Наама пожалела, что не способна делиться своими чувствами так, как делают это анхелос. Как бы она хотела подарить Торвальду хоть капельку того тепла, которое испытывает к нему! Без слов рассказать о том, что считает его самым лучшим, что безмерно восхищается и любит...

Да, любит. Себе-то врать точно нет смысла. Влюблена, как кошка. При взгляде на него теряет волю, хочет печь булочки, гладить рубашки и рожать ему маленьких равендорфчиков, таких же правильных, занудных и замечательных, как Торвальд.

Стало чуть обидно при мысли, что Андрос ворвался в самый неудачный момент и не дал жрецу завершить обряд. Ей бы хотелось назвать этого мужчину своим, полностью своим. Хотя... все равно теперь их ничто не связывает, а разводы в наше время не такая уж редкость.

Но им же хорошо вместе. И она все еще нуждается в его помощи, чтобы вернуть магию. Нет нужды расставаться прямо сейчас, можно еще пару месяцев побыть любовниками.

- Наама, послушай, - он прекратил улыбаться, стал вдруг собранным и серьезным. Потянул ее к себе, усадил на колени. - Я должен тебе кое-что сказать. Это важно.

- Пугающее начало, - она еще попыталась в ответ пошутить, но внутри что-то оборвалось. Как она могла забыть? Раньше магия была нужна, чтобы Наама могла себя защитить от Андроса. Теперь угрозы больше нет. Сейчас Торвальд скажет, что она больше не нуждается в его защите, поэтому может уехать. И Наама действительно соберется и уедет, потому что навязываться мужчине не в ее правилах.

- Я должен признаться, - он напрягся и стиснул руки, словно не желая выпускать ее из объятий. - Я виноват перед тобой.

Ну что за мрачное вступление? И почему от него опять тянет страхом?

- Я тебя прощаю, - она шутливо чмокнула Торвальда в губы, но он не улыбнулся. Остался таким же торжественным и мрачным.

- Не разбрасывайся словами, сначала выслушай. Тридцать лет назад император собирался приговорить тебя к смерти, как и всех членов твоей семьи. Но получил прошение от Андроса, с просьбой заменить казнь на рабство.

- Ну да, - демоница недоуменно нахмурилась. - К чему ты мне это рассказываешь? Думаешь, я не знаю?

- Ты не знаешь, что получив прошение Луций пришел спросить моего совета. Мы тогда были друзьями. Насколько у верховного правителя вообще могут быть друзья. И я посоветовал ему проявить милосердие.

- То есть - казнить меня?

- Нет, - его губы сжались в тонкую нитку, аура раскасилась болотно-серыми всполохами страха и вины. - Проявить милосердие.

- Отдать Андросу? - все еще не веря, уточнила она.

- Формально это выглядело, как кара хуже смерти, поэтому никто не обвинил бы Луция в слабости. Но я знал, что Андрос любит тебя. Это все знали. И, поверь, мне ни на мгновение не могло прийти в голову, что с любимой женщиной можно обращаться подобным образом, - последние слова он выдал в отчаянии, уткнувшись лбом в ее плечо.

Наама молчала. Много, очень много в поведении Торвальда стало внезапно понятным после этого признания.

- Значит, вот почему ты спрятал меня? - медленно выговорила она.

- Да.

- И твои слова про человека, который раздавал неосторожные советы...

- Да.

- А когда ты узнал?

- Недавно. Твой сын пришел с просьбой о помощи. Я и предположить не мог... Но решил, что обязан сделать все, чтобы исправить последствия своей ошибки.

- Ясно, - она попробовала освободиться, и Торвальд не стал удерживать. - Значит, вот почему вы терпели мое хамство, полковник? Что-то вроде наказания? Словесная порка от Наамы ди Вине?! - в голосе зазвенели истеричные нотки.

Он посмотрел на нее с недоумением.

- "Словесная порка"?! Наама, ты действительно думаешь, что твои детские выходки заслуживают такого громкого названия?

Да, думала. В конце концов, ди Небирос всегда реагировал так, словно она нанесла ему смертельное оскорбление.

- По-настоящему я вышел из себя только однажды, когда ты повторила эти глупости про рабскую природу людей.

Отчего-то стало стыдно. А еще обидно до слез. Она думала, что Торвальд действительно что-то чувствует к ней, а он просто отдавал старый долг. И ведь до сих пор мучается. У кого-то определенно излишки совести в организме.

- Я хотел, чтобы ты знала, - тихо продолжал он. - Моя вина в том, что я ни разу не поинтересовался, как ты и что с тобой. Дал совет и забыл, считая, что сделал доброе дело.

- Ты хотел как лучше, - это прозвучало очень саркастично, и анхелос виновато опустил взгляд.

Да уж, точно излишки совести. Интересно, он и спал с ней из-за чувства вины? Вот ведь болван, чурбан, дубина стоеросовая! Как будто она просила о подобных жестах извинения. Рассказал бы все сразу, расставил все точки и не морочил бы ей голову!

Но злиться по-настоящему не получалось. Только становилось все больней и обиднее. И невыносимо хотелось снова вернуться в его объятия, подставить губы для поцелуя, вдохнуть любимый одуряющий запах...

- Ну что же, - она встала. - Думаю, можно сказать, что славной победой над врагом ты полностью искупил свою вину. Иди и впредь не грехи. А я тоже, пожалуй, пойду.

Пойдет соберет вещи и уедет из коттеджа, который успел стать для нее домом. Порыдает потом где-нибудь в уголочке, оплакивая свои глупые мечты. Она так и знала, что Торвальд слишком хорош для нее.

- Наама! - он догнал ее на полпути, прижал к стене, еще и руки выставил, чтобы точно некуда не делась. Требовательно заглянул в глаза. - Ты обижаешься?

- Нет.

- Злишься?

- Нет.

- Но ты хочешь уехать?

- Я хочу... - губы задрожали, и глаза наполнились непролитыми слезами.

Она хочет жить здесь. В этом уютном плющом домике, с этим мужчиной. Но не как непонятное искупление придуманной вины, а как любимая и желанная женщина.

- Остайся со мной, - попросил он, склоняясь к ее губам. - Пожалуйста.

- Надолго? - горько спросила Наама.

- Насколько сама захочешь. Лучше всего, если навсегда.

- Ты в своем уме?

- Не знаю. Я тебя люблю, а все влюбленные немного безумцы, - он усмехнулся прежде, чем поцеловать ее.

Сердце замерло, подпрыгнуло и забилося втрое быстрее. Она ведь не ослышалась, Торвальд сказал, что любит? Сожри ее Бездна, если это не было признание! Наама выгнулась, прильнула к сильному телу, запустила в жадном собственническом порыве пальцы в волосы. Тяжелая тоска и обида, поселившиеся было в душе таяли без следа, как снег под весенним солнцем.

- Тогда какого вурдалака ты устроил это покаяние? - пробормотала она, когда они наконец оторвались друг от друга.

- Не хотел, чтобы это стояло между нами, - он испытующе заглянул в ее глаза. - Ты действительно не считаешь это проблемой?

Она насмешливо покачала головой, в кои-то веки ощущая себя старше и умнее.

- Торвальд, я понимаю, что вела себя иногда, как малолетняя истеричка, но мне бы и в голову не пришло обвинять тебя в том, что сделал Андрос. Кроме того, - после паузы рассудительно добавила она, - это помилование действительно спасло мне жизнь. Хотя иногда я сожалела об этом.

В палитре его чувств снова мелькнул отголосок вины. Наама раздраженно поморщилась и пихнула его рукой.

- Прекрати! Если будешь заниматься самоедством - я тебя сама искусаю.

- Звучит очень соблазнительно, - в его глазах загорелся азартный огонек. - Только пойдем в спальню, там удобнее кусаться. И все остальное тоже.

“Пойдем” в его представлении означало “Я тебя понесу”, но Наама совершенно ничего не имела против.

- Да и вообще, - пробормотала она, обнимая своего мужчину позже, когда они расслабленные и пресыщенные валялись на кровати после бурных игр. - Вот ты даже не спросил, а я, между прочим, тоже тебя люблю.

ЭПИЛОГ

- И если найдется кто-то, кто против этого брака, пусть скажет сейчас или замолчит навечно...

Наама вздрогнула и сжалась. На мгновение показалось, что сейчас из-за спины раздастся знакомый рычащий голос и все вернется: дуэль, кровь, страх.

Жрец повторил ритуальную фразу, и демоница выругала себя за мнительность. Тот, кто мог ворваться в храм и все испортить, больше не опасен. Он никогда не сможет причинить боль - ни Нааме, ни ее близким.

Она нервно одернула подол платья. Алого, как цветок мака, как кровь. Не девочка уже, чтобы выходить замуж в белом. Поймала улыбку на лице мужчины рядом и задохнулась от внезапного и острого ощущения счастья.

Неужели это все происходит действительно с ней? Здесь и сейчас?

Жрец в третий раз выкликнул ритуальный призыв в зал, а потом повернулся к молодоженам.

- Да свершится этот брак во имя Великой Матери.

Вспышка - спектрографии для семейного альбома, чтобы было потом что перебирать на старости лет, посмеиваясь над перекошенными лицами. Кольцо - неброская полоска из белого золота - скользнуло на палец. Наама прильнула к своему мужчине - самому умному, самому сильному, самому замечательному в мире. Поймала отблеск своего счастья в серых глазах и, привстав на цыпочки, коснулась губами губ.

Поцелуй вышел совсем не целомудренным, скорее уж чересчур страстным, на грани приличий.

Ох, вот к чему приводит воздержание! В последние дни у Торвальда была куча дел, связанных с грядущими экзаменами, а Наама разрывалась между работой администратором в доме моды Висарди и вечерними профессиональными курсами. Еще и свадьба: организация даже скромного торжества потребовала времени и сил. Оба добирались до постели глубоко за полночь и тут же засыпали, обессиленные.

И вот результат. Тело откликнулось на близость любимого мужчины немедленно и совершенно однозначно.

В себя их привело многозначительное покашливание со стороны жреца.

- Поздравляю, - с притворной строгостью сказал тот, словно подразумевая под этим словом: "Церемония окончена".

Снова вспышка. Посыпались восклицания со стороны гостей, замелькали знакомые и незнакомые лица.

Первой подбежала Таисия. Голубые глаза девушки сияли от восторга, в светлой ауре вспыхивали и гасли счастливые искорки.

- Ах, как же я рада за вас с профессором! - воскликнула она и порывисто обняла Нааму.

Демоница прикрыла глаза, прижимая к себе это светловолосое чудо. Дочь... дочери у нее никогда не было, но мысленно она уже называла Тасю именно так. Как же ее сыну повезло встретить эту девочку!

Им всем повезло.

- Спасибо, милая, - растроганно ответила она, чувствуя что еще немного и расплачется, а демон, который рыдает от счастья у всех на виду - это никуда не годится. - Спасибо за все.

Она разжала объятия, отпуская невестку. И встретилась взглядом с сыном.

- Поздравляю, - он улыбнулся. Тепло, ободряюще. Не только губами, но и глазами. - Надеюсь, ты будешь с ним счастлива.

Потом был Макконелл:

- Хм-м-м, отличное восстановление, просто образцовое. А я что говорил? Ах да, свадьба... Мои наилучшие пожелания!

Новые друзья с работы, коллеги и друзья Торвальда. Вереница лиц, поздравлений, охапки цветов, какие-то подарки и прочувствованные речи. Суетный, немного бестолковый, но счастливый праздник.

В какой-то момент Наама поняла, что Торвальда нет рядом, но потом ее снова отвлекли.

Если бы она вышла из храма и бросила взгляд по сторонам, то непременно заметила бы счастливого новобрачного, который пересекал парковку, направляясь к новехонькой угольно-черной "Виверне". Не доходя пары шагов, он остановился, пристально вглядываясь в тонированное стекло, словно мог видеть того, кто скрывался в салоне машины.

- Я очень надеюсь, что обойдется без сцен, - негромко, но жестко произнес анхелос. - И не нужно прятаться, ди Небирос. Я знаю, что ты здесь.

Дверь на пассажирском сиденье резко распахнулась. Мужчина вывалился из машины, тяжело опираясь на окованную серебром трость. Так, словно был болен.

- Откуда узнал? - неприятливо буркнул он.

- Оттуда.

- СБ, - с отвращением произнес демон. - Не бывает бывших особистов, да?

Торвальд поморщился.

- Наш договор. Ты помнишь: не ближе, чем на сто шагов?

- Помню, - зло буркнул демон. Измерил взглядом расстояние до храма. - Здесь больше ста.

- Не важно. Ты - последний, кого я или моя жена хотели бы видеть на нашей свадьбе. Уезжай.

Прежний бешеный гордец ди Небирос не стерпел бы ни этого тона, ни слов. Новый только сгорбился и стиснул рукоять трости в форме головы дракона. На лице промелькнула ярость загнанного зверя.

- Уеду, - прошипел он сквозь стиснутые зубы.

- Сейчас. И если ещё раз я увижу тебя рядом с Наамой...

- Я помню про уговор! - перебил его демон. Трость зло стукнула по брусчатке.

Тяжело опираясь на рукоять, Андрос снова нырнул в темное нутро автомобиля, но дверь так и не закрыл, рассматривая соперника из тьмы горящими от ненависти глазами.

- Почему ты? - с тоской в голосе продолжал он, обращаясь то ли к собеседнику, то ли к самому себе. - Почему она выбрала тебя?

Торвальд удивленно приподнял бровь и усмехнулся.

- А ты как думаешь, ди Небирос?

Вместо ответа дверь захлопнулась. Зарычал движитель. Медленно набирая скорость машина вырлила с парковки и исчезла за поворотом.

Анхелос проводил ее взглядом и вернулся к храму. Толпа выплеснулась из здания, гости толпились на площадке, что-то оживленно обсуждая. Уже слышались хлопки - кто-то нетерпеливый открыл шампанское, не дожидаясь общей команды.

- Профессор! - Тася замахала руками и запрыгала, привлекая его внимание. - Идите сюда скорее, у нас общая фотография!

Торвальд ускорил шаги, прошел мимо человечка с камерой на треноге и поднялся по ступеням, чтобы занять место в центре композиции. Положил руку Нааме на талию, обнял, притягивая к себе. Она прильнула, положила голову ему на плечо. Бирюзовые глаза сияли

спокойствием и счастьем, на алых чувственных губах цвела улыбка.

- Муж мой, - промурлыкала демоница ласково и вкрадчиво, - ты куда пропал?

- Да так, показалось, что увидел знакомого на парковке...

- Позвал бы его сюда.

- Обознался.

- Улыбайтесь, сейчас вылетит птичка, - скомандовал человек с камерой. - Три, два, один...

Вспышка Вряд ли она требовалась в такой солнечный день, но какое же семейное фото на память без вспышки?

THE END